

ИГОРЬ ЧИРКУНОВ

ВЫЖИВАЛЬЩИК

ПОВЕСТЬ

Лес

— Почти дошли. — Рослый заросший щетиной парень, вышедший на край речного обрыва, оглядел открывшуюся перед ним перспективу бескрайнего леса, ещё раз сверился с компасом, несколько минут разглядывал карту, поворачивая её так и эдак. Потом снова обратился к своей спутнице: — Никогда с Владом не думали, что придётся топтать пёхом от самого города. План был доехать до дедова кордона, оттуда всего два часа ходу. — Он погрузился, помолчал. — Кто ж знал-то?

— Тёма, нам ещё долго до твоего бункера? — устало вздохнула спутница, невысокая худенькая девушка, в таких же, как у него, берцах и горном костюме, в просторечии — горке, но с гораздо меньшим рюкзаком, из-под камуфлированной кепки выглядывает пучок светлых волос.

— Нашего, Светик. Теперь — нашего. Думаю, часа за три дойдём, считай, мы уже в безопасности.

— Давай отдохнём, а? Ног не чувствую, и спина просто отваливается

Парень с нежностью провёл тыльной стороной кисти по её щеке.

— Устала, малышка? Тогда, конечно, полчаса-час теперь роли не сыграют. — Он принялся растёгивать пряжки здорового станкового рюкзака. — Надо было со мной в походы ходить, — добавил другим, беззлобно-ироничным тоном, — сейчас бы так не выматывалась.

ЧИРКУНОВ Игорь Валерьевич родился в 1971 году в Подмосковье. Окончил Университет Российской Академии Образования по специальности "Психолог-консультант в социальной педагогической сфере". Работал психологом в наркологии. В настоящий момент занимается организацией и проведением обучения в коммерческих организациях. Дельтапланерист.

— Надо, — выдохнула девушка, оперлась рюкзаком на ближайшее дерево, да так по нему и съехала на корточках. — Но кто ж вас, выживальщиков, всерьёз-то воспринимал?

Артём, уже избавившийся от своей ноши, подошёл, заботливо расстегнул грудную и поясную стяжку, освободил её плечи от лямок, помог вытянуть ноги. Предложил коврик из вспененного материала:

— Пенку подстелить?

Света помотала головой.

— Ну хорошо, отдыхай. Сейчас кашу сварганю и кофейку.

Он поцеловал её, сделал шаг в сторону, но глухие всхлипы заставили обернуться. Девушка закрыла лицо руками, плечи начали подрагивать.

— Господи, как же жить дальше?

Парень подсел рядом, прижал к себе, снял с её головы кепку и принял ласково гладить по волосам.

— Надо просто жить, раз уж повезло. Просто жить.

Город

Совсем недавно, буквально пять дней назад Артём и Света жили в большом промышленном городе. За полмиллиона жителей, несколько крупных предприятий, деловой центр с высотками из стекла и бетона. Стихийные митинги, скачущая и скандирующая молодёжь. Местные и заезжие: то ли правдорубы, радеющие за народ, то ли негодяи, пытающиеся на мутной волне въехать во власть. А может, и просто фрики да городские сумасшедшие. Если верить телевизору — одно, если интернету — другое, а послушать народ в очередях — третье. Полиция, разгоняющая митингующих, задержанные, постящие фотки в инстаграмм из автозаков. Матерящиеся на всех муниципальные службы, убирающие мусор после подобного веселья.

Одним словом, последние годы в городе шла нормальная, цивилизованная жизнь. Сквозь хаос местных новостей прорывались новости международные, обозреватели обещали скорейший мировой коллапс. Добавляли жару экологи, рассказывающие о надвигающейся катастрофе. Тут и химический завод, построенный ещё во времена оные, который уже дважды исчерпал свои ресурсы, и нефтеперерабатывающий завод, недавно сданный в эксплуатацию с вопиющими нарушениями технологий.

Горожане давно привыкли, что живут буквально за день до конца света, который только по недоразумению никак не настанет, и занимались своими обычными делами. Никто даже не удивлялся, что, обсудив в курилке очередные рассуждения очередного эксперта, абсолютно достоверно доказывающего, что конец света — завтра, ну, край — на следующей неделе, и придя к выводу, что на сей раз этот специалист действительно прав, начинали обсуждать следующий посевной сезон, кто куда поедет в отпуск или куда отправить детей учиться.

Впрочем, не все были так беззаботны. Некоторые, снисходительно поглядывая на беспечных земляков, готовились. К чему? Иные и сами не знали. К отключению электричества, землетрясению, гражданской войне с погромами, ядерной зиме, зомби-апокалипсису, нашествию инопланетян. Одним словом — к худшему, в чём бы это ни проявлялось. Одни затаривали тонны гречки с макаронами и тушёнкой, скупали коробками соль и спички. Другие готовили тревожный чемоданчик, или, что практичнее — рюкзачок, который в час X можно быстро схватить и бегом — выживать. Третьи получали лицензии на охотничье оружие и вооружались на все деньги, разумно полагая, что в условиях глобального катаклизма при отсутствии институтов правопорядка лучше иметь под рукой огнестрельные аргументы. Особенно в ситуации, когда к тебе ломятся зомби. Ну, или банальные бандиты.

Каждого такого готовящегося или считающего, что он готовится, можно было легко опознать по EDC-набору (от английского Every Day Carry — “носить каждый день”). Впрочем, канонического варианта также не было: кто-то ограничивался фонариком и перочинным ножиком. У других этот набор с трудом вмещался в небольшой рюкзак.

Но, конечно, вершиной в подготовке был бункер. О, этот бункер! Мечта! Место, где можно наглухо затвориться от разгула радиации, шастающих по лесам боевых марсианских треножников или шаек мародёров. Пусть весь мир катится в тартарары, обитатели бункера смогут жить припеваючи. Пока не кончится запас продуктов.

Сами себя эти ребята называли “выживальщиками” или “сурвивалистами”, на английский манер. Ведь они собирались выжить в будущей катастрофе, которая вот-вот наступит.

Артём, хоть и являлся адептом сурвивальной веры почти восемь лет, оголтелым фанатиком себя не считал. Он не носил браслеты из паракорда и не скакал от радости при виде “Navy Seals knife” или чего-то подобного. Всё это, по его мнению, были атрибуты так называемых “диванных выживальщиков”. Иногда он интересовался у любителей похвастаться очередным ножом, типа “сдохни от зависти, Рэмбо”, для чего тот собирается его использовать? Для самообороны? Охотиться на медведей? Строить укрытие из брёвен? Резать колбасу? Или вот браслет из пресловутого паракорда. На фига? В “нужный момент” расплести и использовать? Как? Для спуска из разрушенного здания? Ну, так ты прямо сейчас попробуй, а то потом сюрприз будет.

Но даже его внешне весьма скромные приготовления вызывали в окружающих, особенно в коллегам с работы, нездоровый ажиотаж. Человеком он был надёжным, у начальства числился на хорошем счету, в свою “веру” обращать никого не стремился, поэтому проходил у сослуживцев по разряду “хороший человек со странностями”.

— Слышь, Артём, ты же не куришь, зачем тебе зажигалка? Отдай мне. А нож тебе там на фига?

— Это не нож, это мультитул.

— Всё равно. Разве это не холодное оружие? Смотри, менты отберут!

— Артём, привет! Как выходные? Небось, опять в лесу комаров кормил? Предлагали же тебе с нами в сауну! Нормально оттянулись, я конец вечера какими-то урывками помню! Что будешь в старости вспоминать?

— Ты что, и в театр пойдёшь в своих ботиках “нас бомбили, мы спаслись”? Меня слушай, я пацан на стиле, научу тебя, как одеваться.

— Вот Артём, вроде красивый мужик, спортсмен, всё при нём, но как же одевается! Вечно напялит на себя нечто, будто только что из леса вылез. Ему бы прикид приличный, причёсочку модную. Я б наверно с таким замутила!

Так бы и шло всё своим чередом, но вот, когда текущим гарантам прав и свобод оставался год до переизбрания, а никто не сомневался, что ещё один срок правящий клан не потянет чисто по возрасту, накал бреда усилился. Пропасть между очень богатыми и совсем не богатыми зияла страшной чернотой. Уходящие хозяева жизни пытались как-то застолбить завоёванное непосильным трудом. Готовящиеся стать новыми хозяевами, плотоядно обливаясь, косились на “стариков” и друг на друга. Бензинчику в огонь подливали зарубежные “друзья”.

Как-то внезапно волна протестов переросла в откровенные стычки с властями, на улицах раздались выстрелы. Кто первым нажал на спусковой крючок, так и осталось тайной. По телевизору люди с добрыми, озабоченными лицами рассказывали про распоясавшихся молодчиков, спонсированных мировой закулисой. По интернету такие же хорошие, светлые лица, с горящими от возмущения глазами утверждали прямо противоположное.

А потом и вправду пришёл глобальный писец. Всем. Что произошло, никто не понимал, ибо с пропавшим электричеством кончились и телевидение, и интернет. Впрочем, закончились не только они. Вся жизнь, как ни банально это звучит, разделилась на “до” и “после”.

Накануне позвонил ближайший приятель и собрат по выживальщицкой вере Влад. Кстати, именно он когда-то затащил ещё простого туриста Артёма в свои ряды, и вскоре они спелись в отличный дуэт. Сейчас он с нервным смешком рассказал, что у него под окнами появилась бронетехника и что,

похоже, день Д не за горами. Предупредил, чтоб был готов, как говорится, по первому свистку, и лучше прямо сегодня проверил рюкзаки.

— Тёмыч, если что, ждать не буду. Хватаем жён, и ну весь этот цирк в задницу, у нас есть, где отсидеться. Пусть другие на этот раз побудут очевидцами, а я потом их мемуары почитаю. На мою долю острых ощущений хватило.

Артём только вздохнул — на руках уже были билеты. С завтрашнего дня начинался отпуск, и у Светки как раз оставались две недельки до того, как музыкальный колледж, в котором она работала педагогом, начнёт отходить от летней спячки.

В отличие от Влада, жившего в центре, у ребят в пригороде было относительно спокойно. Но всё-таки решили, что пару дней до отъезда можно поспать и на полу, а кровать с толстым матрасом поставить стоймя к окну, раскрепив палками и привязав к батарее.

Писец пришёл той же ночью. Проснулись от удара и грохота рушащихся шкафов. Стёкла в окне выбиты, проём загораживал только выживший матрас. В комнате столбом стояла пыль.

Несмотря на заложенные уши и звон в голове, первое, что поразило, — тишина. Конечно, где-то что-то рушилось, изредка продолжали звенеть стекла, но современные городские жители привыкли, что даже ночью никогда не бывает по-настоящему тихо: гул машин, музыка, гомон компаний. Кому-то “везёт” с железной дорогой. Но сейчас над районом повисла тишина — ни воя сирен, ни ора сигнализаций. А ведь когда более пяти лет назад у дома напротив бабахнула иномарка их соседа, сработали сигнализации автомобилей половины района.

Лишь спустя секунды, показавшиеся вечностью, на улице раздались первые крики.

— Что там?

Светка, приподнявшись с груди спальных, служивших постелью, промаргивалась, прижимая к груди одеяло.

— Не подходи, пожалуйста. — Артём выставил раскрытую ладонь. — Побудь в глубине комнаты.

Перешёл на кухню, пробрался сквозь мешанину кухонных шкафчиков (“Вот ведь! надо было всё-таки на анкеры крепить!”), окно отсутствовало напрочь, осторожно выглянул. На улице — темень, ни звёзд, ни луны, ни фонарей. Пятиэтажку напротив, проступавшую из темноты, как будто погрызли по срезу крыши. На фоне чуть более светлой стены провалами зияли глазницы окон, некоторые из них наверху уже разгорались. Но, похоже, рушиться дома не будут.

Пощёлкал выключателями, покрутил краны — ни воды, ни электричества.

— Мальш, я на улицу, надо осмотреться. Не хотелось бы проморгать пожар по соседству. Ты без меня к окнам не подходи, и вообще — посиди лучше на месте. Здесь в темноте легко ноги переломать.

— Тёма, ты недолго?

— Ну что ты, родная, я быстро!

Прикроватная тумбочка оказалась погребена под обломками шкафа, стоявшего у противоположной стены, но всё же дотянувшегося до неё своей антресолю. И как только не задело спящих? Повезло.

Артём раскидал обломки. Где же? На глаза попался мобильник, экран расколот, аппарат мёртв. О! Нашёл! Ну, слава Богу! Почему-то вспомнилось, как Светка, дурачась, подтрунивала над его привычкой всегда иметь налобник под рукой. “Что ты его в тумбочку прячешь, надевай! Тебе же без него меня в кровати не найти!” Маленький “Petzl” пережил нападение шкафа. В его свете Артём нашарил брюки, затем в прихожей сунул ноги в трекинговые ботинки, не зашнуровывая их, открыл дверь на лестничную клетку. Луч фонарика уперся в плотную стену висящей в воздухе пыли, которая мигом забила ноздри. Пошарил светом по сторонам. Стены, двери соседних квартир, ступеньки. Лестница цела. Взгляд наверх: вроде, ничего на голову не свалится. Четыре этажа вниз, металлическая подъездная дверь, магнитный замок,

разумеется, не работающий, и Артём вывалился на заваленную крупными обломками и мелким мусором улицу. В воздухе — всё та же оседающая пыль, кружат какие-то листочки.

Не горело ни одного фонаря, однако улица подсвечивалась пламенем, — одна из квартир противоположного дома уже всюю полыхала. Начали хлопать подъездные двери, тут и там замелькали фонарики. Люди что-то кричали, обращаясь друг к другу и ни к кому конкретно. Одни заполошно бежали. Другие стояли и ошарашенно оглядывались.

Отойдя подальше, он бросил взгляд на свою хрущобу. Окна отсутствовали почти везде, колоритно выглядывал его матрас. Успокаивало, что признаков пожара ни по соседству с их квартирой, нигде по всему дому не видно. Мозг старательно концентрировался на каких-то деталях. До сих пор крутилось сожаление, что не озаботился более надёжно закрепить мебель и что теперь из посуды у них, по всей видимости, остались только его походные кастрюльки-миски-кружки. Огорчился, что Светка будет переживать из-за наверняка погибшего сервиза, подарка её матери на их свадьбу. Попытался вспомнить, уцелел ли компьютер, стоящий на столе у окна. Глядя на повсеместно отсутствующее остекление, порадовался, что не зима.

Из подъезда белым пятном растянутой футболки выскочил Миха — сосед, живущий как раз под ребятами.

— Здорово, Артём, чего это у нас тут шандарахнуло? Война?

Артём уставился ему в лицо; в отсвете пожара сосед казался хищно-азартным, в глазах скакали отсветы, как искры адского пламени.

— Типун тебе на язык!

— А что? Достало уже всё, хоть так.

— Да не, ну, что ты, Мишаня, какая война?

— И что же тогда?

Удивляясь собственной растерянности, пожал плечами. Вопрос “что?” он старательно гнал от себя всё это время, забывая сознание разной мелочью.

— Ладно, пойдём на проспект, оттуда должно быть лучше видно. Да и дом обойти надо, не горит ли что. Только... — бросил взгляд на домашние тапочки соседа. — Обуйся, стекла много.

Мишаня чертыхнулся и бросился домой, а Артём неспешно двинулся вдоль дома, в сторону первого подъезда. Там, по краю квартала, проходила магистральная улица района, эдакая пуповина, связывающая их пригород с остальным городом. Прямая, многополосная, с центральным газоном, в который понатыканы фонарные столбы, — настоящий проспект. Тянулась в направлении центра, деля район почти пополам, и с неё должен был открываться примелькавшийся уже вид: по четыре бело-коричневых торца хрущевки с каждой стороны проезжей части, дальше — мостик через небольшую ручей и с четверть километра насыпи сквозь пойму, заросшую мелким ивняком, — так и незастроенную болотину. Ещё метров двести вверх, к косогору, на котором высились ряды девятиэтажек старых районов. Далее проспект поворачивал, скрываясь за спинами домов, но с расстояния было хорошо видно, как дальше, над крышами старых панелек, высились современные четырнадцати- и шестнадцатизэтажные монолиты. А правее, километрах в пяти, взмётывался в небо стеклянно-стальной остров делового центра. Дальше, по идее, шёл исторический центр, низкоэтажный, пафосный, с закрытыми территориями, коваными заборами, кучей бутиков, кафе и административными зданиями. Но его, понятно, не видно с их окраины.

На что рассчитывал, Артём не знал. Если во всём районе вырубилось электричество, а небо затянуто — ни луны, ни звёздочки, — то, возможно, на проспекте темень — глаз выколи, это здесь пожар подсвечивает. Хотя в душе он всё ещё надеялся, что, выйдя из-за угла дома, увидит залитые электричеством жилые массивы, где люди, может, даже не проснулись из-за того, что у них тут что-то шарахнуло.

Вышел. Повернулся. Сердце бухнуло и провалилось в желудок. Внутри резко заныло, спина покрылась липким холодным потом, захотелось протереть глаза и проснуться.

Темноты в центре города он не увидел. Впрочем, не увидел там и сверкающего электричеством града на холме. На фоне багровых отсветов в небесах ближайšie к нему высотки казались надкусанными пеньками. А дальше — только зарево гигантского пожара да изредка взмётывающиеся протуберанцы.

В мозгу лихорадочно стали всплывать строки старой инструкции: “При воздушном взрыве эквивалентом одна мегатонна зона полных разрушений три целых шесть десятых километра. Сильных — семь с половиной. Уже в десяти километрах погибает только пять процентов населения”. А мы? Сколько у нас погибло? Впрочем, о чём это я! До центра города от дома как раз восемь километров! Значит, не оно?!

Подходили ещё люди, и останавливались в оцепенении. Медленно их группка росла. Стояли молча, слова закончились. Потом кто-то пробормотал, обращаясь скорее ко Вселенной:

— Да что, чёрт возьми, творится-то?

— А это, молодые люди, скажите спасибо нынешнему руководству химкомбината, — раздался скрипучий, с ехидцей голос.

На говорящего стали оборачиваться. Им оказался какой-то старичок, сухонький, в вязаной кофте, несмотря на тёплую ночь, в очках с толстенными линзами. Послышались удивлённые возгласы, а старик с видимым удовольствием продолжал:

— Двенадцать тысяч кубов... — названия Артём не расслышал, — это вам не комар чихнул! А я говорил нынешнему директору: твоя экономия до добра не доведёт! И кто теперь перестраховщик?

— Что-то ты путаешь, старый, химичка вон там, левее. — Пузатый бородач неопределённого возраста, в шортах и сланцах, указал рукой. — Она вообще за городом. А полыхает-то центр.

— Ничего удивительного, — старик напоминал вредного учителя, — вчера ваши молодчики пальбу устроили как раз у комбината, наверняка в ёмкость попали. Пошла утечка, разлив... легко испаряется (Артём опять не понял, что там испаряется). Ветром как раз к центру и снесло. Что-нибудь искрануло, да хоть трамвай, и амба. Насчёт стрельбы мне вчера вечером Вадимыч звонил, мы с ним, почитай, двадцать лет вместе на химическом проработали. Он тоже не раз говорил...

Что там говорил Вадимыч, Артём дослушивать не стал. “Блин, там же Светка одна!” Всё равно созерцание пожарища ничего не решает. Развернулся, протолкался через собравшуюся толпу. На выходе был перехвачен Михой.

— Чего там? — с жадным интересом тот вцепился в руку

— Не знаю, — Артём помотал головой, — просто всё горит.

— Из-за чего?

— Повторяю, откуда мне знать?! Дед вон один говорит, химкомбинат рванул.

— Да ладно! Дай сам гляну.

И Мишка ужом ввинтился в толпу. Артём даже поразился, насколько более ловко это у него выходило; сам он проламывался сквозь людей, как ледокол, вызывая недовольство и бурчание. Мишанин при том же росте был более худощав и гибок. Из толпы слышалось его “извините”, “простите”, “мне только спросить”. Да, этот без мыла куда хочешь пролезет.

Он поселился не так давно, оказался весёлым, общительным малым, работавшим торговым представителем в компании замороженных полуфабрикатов.

— Ещё говорят, что мог НПЗ взорваться, хотя версия про химичку мне тоже кажется правдоподобнее, — вернулся из толпы Миха. — Пойдём? А ещё я думаю, это не случайность, а теракт. Специально подстроили.

— Да ты что?! Кому такое надо?

— Мало ли? Это же инфоповод! Трагедия, бла-бла-бла, нужно сплотиться! И вот уже вся страна в едином порыве объединяется вокруг текущей власти!

Артем сбился с шага и остановился.

— Как тебе такое в голову приходит? Это ж сколько народу сейчас погибло?!

Миха усмехнулся.

— Ради бабок и не на такое пойти могут. Помнишь одиннадцатое сентября? Известно же, что американцы сами всё подстроили!

— Да брось, это не доказано. И тем более, при чём тут бабки?

— Власть, Тёма. Власть это и есть бабки!

Ответить нечего. Артём вздохнул, махнул рукой, и они опять зашагали к своему подъезду. В ряду припаркованных машин взгляд выцепил знакомый силуэт “Kia”. На лобовухе — паутина трещин, одного зеркала нет, на крышке багажника — кусок кладки из нескольких кирпичей с толстым слоем штукатурки. Артём рефлекторно нащупал в кармане ключи. Нажатие кнопки брелока осталось безответным. Дёрнул ручку — заперто, открыл ключом. Машина мертва, поворот зажигания не вызвал никакой реакции.

— Куда ты на ней собрался? Вся дорога в поваленных деревьях. Я даже фонарный столб видел. — Миха был ироничен. — Да не зыркай так на меня, у тебя хоть этот кусок железа остался, может, реанимировать получится. А я свою пару дней назад на “Гарант” загнал.

— Вот блин! — Артём сочувственно вздохнул: станция техобслуживания “Гарант” находилась через забор от химкомбината. На всякий случай забрал из бардачка ещё один налобный фонарик и мультитул, достал из багажника титановую сапёрную лопату и складную ножовку.

Дверь подъезда хлопнула, на улицу вывалились несколько соседей.

— Здорово, мужики!

Мишка, в отличие от малообщительного Артёма, на короткой ноге почти со всем подъездом.

— Чего вы тут стоите, выстаиваете? Тушить же надо! — набросился на них крепкий сухощавый пенсионер Родионыч и махнул рукой на соседний дом. Артём пожал плечами:

— Чем?

Родионыч зыркнул по сторонам.

— Во, землёй! Дай лопату.

— Не дам. Толку никакого. Ты отсюда землю таскать будешь?

Родионыч посверлил обоих парней безумными глазами, тщетно петушась, потом обернулся к сопровождавшим его соседям:

— Ладно, мужики, нечего тут время терять, там соседи наши погибают!

И они все почесали к первому подъезду, где имелся пожарный щит. Миха осторожно кашлянул:

— Не по-людски всё-таки это. — Он показал глазами на горящие квартиры и удаляющиеся спины соседей. — Помочь бы надо. Сегодня ты поможешь, завтра — тебе.

— Да что я, сволочь конченная? — возмутился Артём. — Но не так же! Это ж чистая самодеятельность! Есть правило, Миша: при проведении спасработ не увеличивай количество пострадавших! А эти? — В сердцах сплюнул. — Короче, есть, что одеть плотное, и не из синтетики? Идеально — брезентуха.

Следующие несколько часов Артём провёл, бегая по подъездам своего дома. Взламывали квартиры, в чьих окнах чудились отсветы пламени, а когда рассвело — дым. Тушить — не тушили. Нечем. Старались выводить людей. В паре квартир нашлись жильцы, успевшие угореть от дыма, их вытащили на воздух и даже выкинули в окно тлеющую мебель. В общем, кого-то спасли, но реально нуждающихся в помощи оказалось не столь уж и много. Ну и, конечно, ничего не могли поделать с металлическими дверьми, хотя за одной пожар был точно, даже дверь нагрелась. Но на стук никто не открыл: то ли квартира была пустая, то ли хозяевам уже не помочь, а взломать такую дверь решительно нечем.

Самое страшное оказалось в самой первой квартире. Когда дверь всё-таки выломали, прорубив маленьким туристическим топориком, оттуда дохнуло настоящим адом. Жар такой, что внутрь никто не сунулся. Выглянувшая

из квартиры напротив тётка, ахнув, зажала себе рот обеими руками. Появившийся следом её муж, с виду — тщедушный мужичонка в майке-алкоголичке — сделал попытку сунуться в огонь. Оттаскивали вдвоём с Мишкой.

— У них же дети малые! — кричал он.

— Держись, мужик, им уже не поможешь. — Мишка покачал головой, приобнял мужичка за плечи, заглянул тому в мокрые от слёз глаза. — Лучшее, что ты сейчас можешь сделать, не дать огню распространиться.

— Да, надо дверь прикрыть чем-нибудь негорючим. Найдёте?

Мужик покивал, его поддержала жена. А парни отправились дальше.

Вернулись уже засветло. Чумазые, с опалёнными бровями и волосами.

Мишка заявил, что пойдёт спать, просил не дёргать без серьёзных причин:

— Вдруг война, а я уставший!

Светка мирно спала, свернувшись в позе эмбриона на раскиданных спальниках. Стараясь не шуметь, разулся, но когда стягивал с себя подпалённую горку, на плечи легли нежные пальцы.

— Привет. Ну как, ты всех спас?

Обернулся, заключил в объятия, жена прильнула к груди.

— Конечно, дорогая, мы всех спасли. — Выдавить из себя правду Артём не смог.

— Иди мойся, я пока завтрак приготовлю. Ты же устал, наверно? Ой, — Светка прыснула в кулачок, — а у тебя брови сгорели! Какой ты смешной!

— С “помыться”, солнышко, кажется, не выйдет. Воды нет.

— Да? Ну вот, наконец-то твой дурацкий запас пригодится, зря я, что ли, об него себе все пальцы на ногах поотбивала?

Светка имела в виду пять пятилитровых баклажек и упаковку литрушек питьевой негазированной воды, что Артём держал под кухонным столом, обновляя раз в пару-тройку месяцев.

— Давай побережём питьевую воду, хорошо? Я потом до ручья схожу, умоюсь. — Он сделал попытку поцеловать жену, но та стукнула его кулачком по груди, извернулась, погрозила пальчиком.

— Ну, нет. Мой муж за стол чумазым неумывайкой не сядет. — Протянула влажные салфетки — и когда только успела их найти в этом бедламе? — Чего хочешь на завтрак?

— Давай съедим то, что в первую очередь может пропасть.

— Кстати, не знаешь, света долго не будет? А то в морозилке пельмени раскиснут.

— Света, Светик, теперь не будет долго. Мы их с тобой пожарим, на сливочном масле. Пока оно тоже не крикнулось. И давай съедим сырники. Сейчас горелку настрою.

— А что, и газа тоже нет? Ужас какой! — Светка отправилась хозяйничать на кухню, вскоре оттуда донеслось: — Ой, мамин сервиз. Как же я ей расскажу...

В дверь постучали. Вернее, до Артёма дошло, что в дверь уже некоторое время кто-то еле-еле стучится. Явно не Мишаня, тот вполне мог бы сразу вломиться. “А что? Если вы заняты чем-то, для посторонних глаз не предназначенным, так запирайтесь. А коль не заперто, так чего возмущаетесь?” Дверь, кстати, оказалась не заперта. На пороге стоял сосед по лестничной площадке:

— Привет, Саня, чего тебе?

— У вас воды нет? У нас малой раскричался, кормить пора, а вишь как — краны сухие.

К Сане Артём относился снисходительно. Тот был на пару лет моложе, но уже обзавёлся изрядным пивным брюшком и тёщей-склочницей в придачу с рассадой и дачей, в которую, судя по разговорам, вколачивал весь свой бюджет. Недавно у них появился первенец, и, судя по всему, кормили его в основном смесями. То ли у матери были проблемы с грудным молоком, то ли берегла фигуру, что-то такое Светка рассказывала, но Артём, конечно же, пропустил мимо ушей. Мало ли у кого какие проблемы, почему это должно его интересовать?

Мелькнула мысль — сказать “нет”. Даже успел отрицательно помотать головой, но что-то задержало. Прикинул. Без излишеств, вдвоём смогут обойти пятью литрами в сутки. Ну, а за два-три дня что-нибудь решиться.

— Погоди...

Прикрыл дверь, сходил на кухню, вернулся и протянул пятилитровку.

— Больше не дам, у самих в обрез, расходуите экономно, воды в кранах теперь долго не будет.

— Думаешь, надолго?

— А ты на улице был? Не видел, что там с центром?

— Не, куда там, малого ели успокоили.

— Нет там больше никакого центра. Вот так. Так что воду, свет и газ давать нам некому. Может, воду привезут в цистернах, но я бы не рассчитывал.

— А что случилось-то?

— Да кто знает? Одни догадки.

— Ладно, спасибо за воду.

— Подожди ещё. Ты воду на чем греть собрался?

— Что? — Александр, успевший повернуться, схватился за голову. — Точняк, газ тоже тью-тью. Бли-и-и-ин...

Опять развернулся к Артёму, растерянно хлопая глазами. Эх, и что с ними делать?

— Ша, не уходи.

Снова прикрыл дверь, сходил в комнату, осмотрел свои запасы. Выбрал горелку с раскладными лапками и шлангом, прикрутил газовый баллон на четыреста пятьдесят миллилитров, вернулся.

— Держи. Вот пьезо-поджиг, вот регулятор. Разберёшься?

— Спасибо. А вы как?

— У меня ещё один есть, не переживай. — Добавил с нажимом: — Экономьте. Как бы мебелью не пришлось топить.

У Сани округлились глаза, он пробормотал что-то нечленораздельное и отправился в свою квартиру. Артём постоял немного в проёме двери, прислушиваясь, закрыл дверь и вернулся к Светке.

— У них ребёнок мелкий, — как бы извиняясь, развёл руками.

— Конечно, милый. Ты правильно поступил. Тебе сырники со сметаной?

Завтрак проходил в молчании, жена ничего не спрашивала, а Артём так и не нашёл в себе сил начать разговор о произошедшем. Ведь тогда не обойти стороной тему её родителей, которые, скорее всего, не выжили.

Света была домашней девочкой и к родителям очень привязана. Он до сих пор порой удивлялся, что девушка из семьи рафинированных интеллигентов могла найти в таком простом парне? Когда она ответила согласием выйти за него замуж, он в ближайшем походе полночи не дал Владу уснуть, изливая душу.

— Посмотри на меня, я же простой складской работяга. Не инженер, не музыкант, не искусствовед, как её мама. Я не тащусь от этих, как их там, импрессионистов, и ни фига не понимаю в классической музыке. Что я могу ей дать? Обсудить какую-нибудь симфонию? Я Баха от Бетховена не отличу. Не хожу на концерты и выставки, меня не тянет ехать в Рим, рассматривать старые развалины. Мне милей вот... — Он обвёл рукой ночной лес, обступивший островок дрожащего света со всех сторон.

Влад понимающе усмехнулся в усы.

— Знаешь, я тоже не психолог, но жизнь повидал. Мне кажется, она нашла в тебе то, с чем дефицит в их, как ты говоришь, рафинированной среде. — Он сделал нарочито длинную паузу, прихлёбывая из законченной кружки неизменный кофе, который пил даже на ночь. Потом пояснил: — Надёжность. Ты надёжный, уверенный в себе мужик, за спиной которого уютно и спокойно. А симфонии, как я тебя понял, она на работе обсуждает.

Артём судорожно вздохнул:

— Всё равно. Нам же её родители жить не дадут. Мы, когда к ним приходим, я себя забавной зверушкой чувствую. Всё жду, когда они ей скажут: “Хватит, милая, наигралась, перебесилась, бросай своего грузчика, пора тебе

нормального мужа поискать, из наших. Есть у отца на работе один скрипач... или пианист...”

Влад хохотнул:

— А ничего, что ты не грузчик, а начальник смены?

— Ты думаешь, для её родителей это не одно и то же?

— Артём, — включилась Вера, — ты на Светке женишься или на её родителях? Вот и перестань паниковать, я тебя прям не узнаю. Зачем тогда предложение делал?

Вот Вера, по Артёмову мнению, была идеальной женой выживальщика. Влад познакомился с ней ещё на службе, когда та работала в госпитале. Верная, надёжная подруга: и в походе, и в жизни. И обед приготовит, и рану, если что, перевяжет, и с ноги в ухо вполне может. При этом весьма миловидная и стройненькая.

— Если честно, я даже не надеялся, что согласится. Для меня это всё равно что... — замялся, подбирая сравнение, — всё равно что мечтать стать президентом. А тут раз, и соглашается. Я даже не знаю, что мне делать!

— Делать? Вести под венец и перестать грузиться негативными мыслями. — Влад подмигнул. — И нам спать не мешать, а то завтра надо верст двадцать отмахать.

Вера встала, отряхиваясь, сделала шаг и потрепала Артёма по волосам:

— Но в Рим тебе всё же придётся съездить. Или во Флоренцию. Надёжность надёжностью, но маленькие радости своим любимым доставлять надо, раз уж решил мужем назваться. Ничего, перебыют местные комары без твоей крови недельку-другую. И пусть это будет сюрприз.

К удивлению и несказанному облегчению, родители отнеслись к Светкиному выбору с уважением, отношения вполне наладились. Может, с тестем он и не ходил на рыбалку или в походы, а тещу не называл “мамой”, но у себя дома они принимали зятя весьма радушно и, кажется, радовались за дочь.

Мать Артёма долго болела, ему даже отсрочку от армии сделали по уходу за больной, и когда он уже учился на пятом курсе, умерла. А отец через полгода женился по новой, причём на материной подруге. Простить такое сын не смог и по окончании института рванул к приятелю в другой город, да так тут и остался. С тех пор отца ни разу не видел, вот сейчас только вспомнил.

— Кстати, хозяйюшка моя, у нас пустые пластиковые бутылки есть?

Завтрак подходил к концу, и, наблюдая, как супруга наливает из баклажки воду для чая в стоящую на огне кастрюльку, Артём внезапно вспомнил о многотопливной горелке.

— Схожу, из машины бензин солью, пока это кто-то другой не сделал.

— А мы что, на ней пока ездить не будем?

— Пока нет.

— Жалко, я так люблю нашу машинку.

Эх, женщины! Мир летит в тартарары, а вам лишь бы муж был сытый да привычные вещи под рукой. Ладно, для того у вас есть мы, мужчины, чтоб все остальные заботы брать на себя.

Когда Артём появился на улице снова, рассвело окончательно. Квартиры напротив уже не горели, из некоторых продолжал валить дым, следы пожара в других оставались заметны только по копоти вокруг окон. На удивление, улица казалась безлюдной. Видимо, тот народ, что подорвался ночью, как Артём с Михой, уже отправился отсыпаться, а кто проспал все события, ещё не выходил, с удивлением разглядывая перемены во внешнем облике района из разбитых окон.

Со стороны проспекта доносился какой-то гомон. Подойдя ближе, Артём увидел группу мужчин, что-то отчаянно обсуждавших. Подошёл, поздоровался. Некоторых знал, кого-то просто видел, человек десять относительно активных соседей. Они обступили художавого мужичонку лет за сорок, который жадно прикладывался к пластиковой бутылке и в перерывах пытался что-то рассказать, перемежая речь матюгами и жестикоматией. Мужичок был одет в хабешный камуфляж, сейчас сильно обгоревший, местами даже

ещё дымившийся, короткие рыжеватые волосы закурчавились от жара, на лице и кистях рук виднелись ожоги.

— Короче, дальше ручья хода нет. Жарит, мама не горюй, что в печке у Яги. Я хотел по воде поближе подобраться, глянуть, ну, как там да чего. До моста ещё можно, а дальше писец.

По словам Славуна — так звали “разведчика” — полыхать начинало со старого района, где среди девятиэтажек ещё умудрялись сохраняться островки частного сектора, сейчас добавлявшие огоньку. Но ближе к району огонь не подобрался, на склоне гореть нечему, а пойма ручья всё ж болотина, пока жар её не высушит, можно не сильно беспокоиться.

С рассветом, гонимый то ли любопытством, то ли гражданским долгом, Славун оседлал верного железного коня о двух колесах и попылил на разведку. Человек, тертый жизнью, оделся в плотное хабэ, замотал лицо тряпкой и вылил на себя полведра воды. Одежда высохла ещё на подъезде к мостику.

— Так жарит, мужики, аж трындец. Дыхалку перехватило, чую — кожа на лбу трескается.

А потом у него взорвались шины.

— Насилу ушёл, думал: вот тебе, Слава, и карачун пришёл. Мостик, кстати, мужики, просел. Не обвалился, но одна плита провалилась, теперь там чисто как на жэ-дэ переезде — порог, и всё, приехали.

— Не видел, вода в ручье осталась?

— Бляха... вот не посмотрел, трындеть не стану. Воды не видел. Мож, посохла вся, а мож, просто обмелел ручей.

Дальше слушать не стал, ибо опять начались рассуждения, что же могло случиться. Тратить на это время посчитал бессмысленным, вернулся домой, где Светка громыхала на кухне, разбираясь с завалами из посуды и мебели. Взглянула на вошедшего мужа выжидательно и, не дождавись ответа, вернулась к уборке. Артём же добрёл до спального угла и рухнул на пол. В голове носился хоровод невесёлых мыслей. Почему-то вспомнилась фраза, задумчиво высказанная молодым парнем, лет двадцати пяти, когда во всеобщем офигевании первый раз тарачились на полыхающий город: “Судя по всему, на работу мне завтра не надо”.

“Да я и так в отпуске”. Сделалось до боли обидно, захотелось крикнуть в пространство: “Вы что, два-три дня не могли потерпеть? Мы бы уехали, и тогда взрывайте, что хотите!” Что будешь делать, Артём? Ведь это то самое, к чему так готовился. И вот, случилось, радуйся, теперь всем, кто над тобой смеялся, можно расхохотаться в лицо! А что-то не хочется. А чего же ты сидишь? Почему ещё не собран, зачем Светка разбирается на кухне? По плану, при ядерном ударе, вы уже должны были покинуть город и быть на полпути к убежищу. Да с чего ты решил, что это ядерная война? Это же химкомбинат рванул. Или нефтепереработка. Или оба разом. Кто-нибудь видел гриб? Или пожары? От светового излучения должен был лес загореться, и где? А то, что куски кирпичной кладки с крыши посрывало, у нас, в восьми километрах от центра, и вся электроника вырубилась — это тебе ни о чём не говорит? Или тебе надо, чтоб по трансляции президент выступил? Так проводную систему оповещения сняли ещё лет пять назад. Если прав тот дед, и сначала был разлив чего-то взрывоопасного, а потом испарение и перемешивание с воздухом, то это гигантский объёмный взрыв! Представляешь силу? ТЭЦ стояла рядом с химиками, вот и нет электричества. Небось, и все подстанции накрылись.

А если всё-таки оно? И что тогда? Вот приедут военные: “Выходи строиться на эвакуацию, с собой маленький узелок личных вещей...” Что делать будешь? “Дяденьки, отпустите меня, у меня есть свой бункер”? Ага, и получишь: “Сообщите координаты, спасибо за проявленную сознательность, он очень пригодится... А теперь — марш в автобус, и не отсвечивай”. Эх, если эвакуация начнётся, то все вопросы отпадут. Вот тогда и ломанёмся со Светкой, не думаю, что вокруг района будет кольцо непроходимое. Это же эвакуация, а не отлов преступников.

А какие вопросы у тебя ещё остались? Ждешь, пока дозу хапнешь побольше? Или тебе нужно, чтоб Влад дал распоряжение? Влада нет, и Веры нет. Они жили как раз там. Ну, там, в общем, где сейчас филиал ада.

Да, чёрт побери! Да! Если бы сейчас открылась дверь, вошёл Влад и сказал: “Собирайся, боец, наше время пришло!” — Артём, ни секунды не колеблясь, схватил бы рюкзак... Кстати, где он? Поискал глазами, мысленно выругался. Рюкзаки, его и Светкин, лежали в углу комнаты, конечно же, полупустые. Особенно его, после крайнего (или теперь всё же — последнего?) тренировочного выхода в лес. КЛМН, то бишь, на туристском сленге — кружка, ложка, миска, нож — в мойке, пришлось использовать, поскольку остальная посуда побилась. Оба спальника они подтелили себе на пол вместо матраса, до сих пор торчащего в окне. Пенки вместе с самонадувайками — там же. Вся электроника: навигатор, рации, фонари — всё на зарядке, в оружейном сейфе. Впрочем, какая, на фиг, зарядка? Электричества же нет. Ходовая одежда частью в стирке, частью по шкафам. Собирались же на море, а не в лес. Короче, рюкзаки надо собирать заново.

Светка неслышной тенью опустилась рядом, смешно морщась, попыталась сдуть чёлку, лезущую в глаза. Не получилось. Он аккуратно убрал, продолжив движение, провёл рукой по волосам, привлёк, поцеловал.

— Не прижимайся, я вся пыльная, — упершись кулачками ему в грудь, она отстранилась, — у нас там просто армагеддон какой-то, вся посуда вдребезги. Кстати, так ты расскажешь, что у нас тут случилось? — нахмурилась, посмотрела искоса, толкнула плечом. — Только не вздумай говорить, что случилась эта ваша ядерная война, и на нас со всех сторон лезут мутанты.

— Да, — хрипло выдавил Артём, кивая.

— Что “да”, милый? Мутанты?

Он помотал головой, прочистил горло, собрался с силами. Господи! Ну, почему в книгах и фильмах все всегда всё понимают по лицу? Почему не в жизни?! Тогда бы не пришлось сейчас из себя выдавливать правду. Потом взял супругу за плечи и, глядя в глаза, проговорил, как в прорубь прыгнул:

— Я на самом деле точно не знаю, что произошло. Был большой взрыв. Сейчас весь город горит. Похоже, уцелел только наш район, огонь через ручей не перекинулся.

— Как горит? — всё ещё продолжая улыбаться, спросила недоверчиво.

Её лицо на глазах преображалось. Погас весёлый блеск в глазах. Растянутые губы съёживались, стирая улыбку. На смену приходила растерянность.

— Это шутка такая?

Он отрицательно помотал головой.

— Подожди. Что ты такое говоришь? А как же...

Замолчала, не найдя в себе сил выговорить. Тогда сказал он:

— Родители?

Её большие серые глаза стали наполняться влагой, переполнились, и вот уже первая капля прокатилась по щеке, пробивая себе блестящую дорожку. Губы, минуту назад улыбавшиеся, задрожали.

Он опять покачал головой:

— Прости, родная, но...

Мягкая ладошка накрыла его рот, затыкая, не давая вырваться наружу словам. Светка мелко замотала головой.

— Не говори, нет. С ними всё хорошо, я знаю. Я бы почувствовала.

Она отвернулась, съёживаясь, сжимая руки между коленями. Потом снова взглянула на мужа невидящим, обращённым внутрь себя взглядом, опять покачала головой.

— Н-нет, это не может быть правдой.

У Артёма сильно сжалось сердце. Да лучше бы она заставляла его что-то сделать, ругала, обвиняла в недостатке мужества...

Он обнял жену, крепко прижимая к себе, зачем-то принялся говорить какую-то глупость, дескать, да, родная, ещё ничего не известно, они высоко и огонь до них не дотянулся. И вообще, современные дома полностью

бетонные, гореть в них нечему, и чуть позже он обязательно сходит и выручит её родителей.

А перед мысленным взором стоял обожжённый Славун, полыхающие дома за ним и ошущаемый спиной поток воздуха, дующий в направлении пожара. Читал о таком — огненный шторм. Когда большой пожар начинает работать по принципу печи: нагретый воздух над пожаром улетает вверх, а на его место со стороны подтягивается свежий, раздувая огонь ещё больше. Температура в центре города сейчас такая, что надежды никакой.

Сколько они бы так просидели, неизвестно. Но в дверь сначала энергично постучали, а потом она и вовсе открылась.

— Хозяева!

Светка отстранилась, начала вставать. Из-за дверного косяка в комнату заглянула Мишкина голова. Он был взъерошен, с оставшимися следами сажи.

— Проходи, — Артём махнул рукой, — только у нас тут вот...

Показал на обломки шкафа, разбросанные вещи.

— Да не парься, у всех так же.

Сосед появился полностью. Взглянул на Светку, потом внимательно на Артёма, потом опять на Светку.

— Слушай, Тёмыч, мы тут за водой собрались, составишь компанию?

Мелькнула мысль, что вода пока есть, да и свободной тары после слива бензина с машины в доме не осталось. Но он ухватился за малодушную возможность сбежать из дома, отвертеться от дальнейших объяснений. Или, по крайней мере, отложить их на какое-то время.

— Ага, сейчас. Свет, нам же нужна техническая вода?

— Какая?

— Ну, там умыться, посуду помыть? Чтоб питьевую не тратить.

— Конечно, родной, — немного вымученно улыбнулась жена. — Ты же как раз собирался отмыться. Возьми тогда с собой гель и полотенце.

Уже выйдя из квартиры, толкнул соседа в бок, заговорщическим тоном спросил:

— Слушай, Мишань, у тебя свободная тара есть? У меня просто вся заполнена.

— Найду что-нибудь.

Перед дверью своей квартиры Миха вдруг слегка сконфузился

— Только ты не мог бы подождать здесь? Я, понимаешь, не один...

— Когда же ты успел?!

— Да ещё вчера, до всего этого. Подцепил в “Трёх пескарях”...

Артём понимающе усмехнулся: Мишаня был тем еще ходяком. Буквально через пару месяцев знакомства Артём перестал даже пытаться запомнить внешность и имена девиц, которых видел в компании соседа. На вопрос: “Когда же ты остепенишься?” — Миха обычно отвечал, что как только встретит ту единственную, а сейчас он в поиске, как говорится, “методом простого перебора вариантов”. Вначале Артём немного напрягался из-за Светки, но, к чести соседа, тот, видимо, что-то почувствовал и как-то заявил, что он — не козёл, а жёны и подруги его друзей — святое. Светка, со своей стороны, эту особенность их знакомого восприняла спокойно, сказав, что девицы, выходящие по утрам из квартиры под ними, взрослые, дееспособные и на обманутых наивных дурочек не похожи. Так что эта сторона чужой жизни её не касается.

У подъезда ждали ещё двое. Василия Фёдоровича, сухопарого мужчину лет шестидесяти, Артём знал, тот жил в их подъезде на верхнем этаже, при встрече здоровались, но и только. Второго, такого же возрастного дядьку, чуть помассивнее Фёдорыча, он тоже видел, знал, что живёт в их же доме, но знаком не был.

— Кирилл, — представился незнакомец, обменялись рукопожатиями. — Пошли?

Вчетвером они пошагали вдоль дома в противоположную от проспекта сторону. Гроздь пустых баклажек в руках погромыхивали в такт шагам. Некоторое время шли молча, потом новый знакомый заговорил:

— Артём, Михаил говорит, что ты специалист по выживанию, так?

Артём глянул на Миху, тот пожал плечами: дескать, а что такого?

— Вроде того. В природной среде.

— Это в лесу, что ли?

Артём молча кивнул.

— Ну, у нас тут не лес, слава Богу, а самая что ни на есть городская среда. Впрочем, не важно. Что думаешь по поводу всего этого? — он крутанул пальцем над головой, как бы показывая на окружающее.

Артём пожал плечами.

— А что я должен думать? Я не знаю, что произошло, говорят, техногенная катастрофа.

Кирилл, не сбиваясь с шага, посмотрел не него долгим, внимательным взглядом.

— Я тебя не о причинах спрашиваю. О них нам потом расскажут. Или внуки в книжках прочитают. А может, и не узнаем никогда, неважно. Сейчас важнее — что делать дальше? А, выживальщик?

— Выживать, — буркнул Артём.

Кирилл посмотрел на Мишку, обменялся взглядами с Василь Фёдоровичем, остановился.

— Слушай, парень, что я из тебя слова тащу, как клещами. Не хочешь помогать, так и скажи: мужики, идите лесом. Только сначала послушай меня. Старая жизнь нынче ночью пошла коту под хвост. И есть у меня большое сомнение, что кто-то о нас обо всех сейчас думает. А у нас здесь семьи, дети, у некоторых уже внуки. Им, как ты правильно заметил, нужно выжить. Как минимум, до того момента, как власти вспомнят. Как максимум... — Он отвёл глаза, сплюнул. — Люди пока не пришли в себя, тихарятся по домам. Продукты у большинства есть. Вот только что будет, когда они поймут, что в магазин за хлебом метнуться не получится. А кушать, тем не менее, хочется.

— Погоди, ведь магазины, по крайней мере, на районе уцелели. Почему не получится?

— А ты ходил, проверял? Сейчас сколько времени?

Артём глянул на часы.

— Ух ты! Половина первого!

— Вот именно! Ни один не открылся! Думаешь, чего я вас за водой потащил? И потом, на сколько их хватит? За день-два всё сожрут, а что дальше?

— Ну, это ты зря, Кирилл Вячеславич, в нашем торговом центре запасы большие, я же в пищёвке работаю, видел их склады.

— Какие бы склады большие ни были, Миша, а они конечные.

— Продукты ерунда, — буркнул Артём, — за неделю никто не умрёт. Вода. В первую очередь нужно подумать о воде.

Кирилл снова взглянул на Артёма.

— Вода?

— Конечно. Какая норма потребления воды в сутки? — и тут же сам ответил: — От двух до трёх литров, если точнее — тридцать миллилитров на килограмм массы тела в день. Физиологическая норма. — Увидел непонимание в глазах, пояснил: — Это простое восполнение суточных потерь организма, меньше — будут проблемы.

Фёдорыч и Кирилл спросили хором:

— Какие?

— Как быстро?

— Сначала сухость и резь в глазах, потом появится чувство голода. Далее — хроническая усталость, потеря мышечной массы, боли в суставах, головная боль. Потеря двадцати процентов влаги — смерть.

Мужики переглянулись

— Вот блин!

— Кстати, сейчас лето, дни жаркие, увеличивайте расход. А теперь задумайтесь, сколько у большинства воды дома? Думаю — полчайника, и бачок унитаза, если ещё не спускали. Может, кому-то повезло, и в морозилке лёд намёрз, который сейчас активно тает.

Фёдорыч хлопнул себя по лбу:

— Вот ведь! Представляете, а моя заявила: “Ну, и хорошо, я как раз морозилку разморожу!” Мелкий сейчас эти куски в ванну носит. Черт, вернуться, сказать, чтоб собрали куда?

— Да ладно, не надо, и так за водой идём. Я просто хотел обрисовать картину, чтоб понимали. В конце концов, у нас ручей под боком, и до реки относительно недалеко, не в пустыне, не пропадём.

— Ну, что ж, — протянул Кирилл, — вот ты уже и помогаешь. Как видишь, это несложно. Значит, сейчас разведаем, где можно набирать воду, организуем доставку к домам. Эх, надо бы цистерну найти, но только небольшую, чтоб её можно было на руках таскать.

— Хорошо. Скажи, Кирилл, вот ты организуешь доставку воды. Дело хорошее, народ, сидящий по своим норам, наверно, даже скажет тебе “спасибо”. Потом ещё дрова... — Опять непонимающие взгляды, снова пришлось пояснить: — Воду надо кипятить, пить сырую из ручья или реки я бы не советовал. Тем более сейчас. Но ты же, наверно, и централизованное распределение продуктов решишь организовать, ведь так?

— Придётся.

— А как ты это себе представляешь? Вот смотри: привёз ты бочку воды, тележку дров. Кстати, автомобильный прицеп вполне и под воду подойдёт, если достаточное количество пустых пятилитровок найти. Народ выстроился в очередь, разобрал. Но как только ты заявишь, что наложишь лапу на продовольственные запасы, тебя тут же спросят: на каком основании? Ты кто такой, чтоб решать, кому сколько еды?

— Вот ты уже и правильные вопросы задаёшь. Всё же не ошиблись мы с тобой. Да, мозговали над этим. Придётся общее собрание проводить и выбирать что-то вроде комитета. И чтоб все проголосовали. Тогда ни одна тварь не скажет: “Кто ты такой?” Но без этого никак!

И Кирилл рубанул воздух ребром ладони. Артём вздохнул. Собрания он не любил, считая пустой говорильней, в которой побеждает не тот, у кого лучше аргументы, а тот, кто глотку дерёт громче. Но спросил другое:

— Ну, хорошо, предположим, провели вы собрание, угробили кучу нервов и времени, чтоб убедить всяких горлопанов, что вы это то, что нужно, организовали комитет, начали обеспечение водой и дровами. Даже на контроль продуктовых запасов добро от людей получили... А буквально завтра послезавтра появляется здесь колонна, присланная для помощи, вам говорят: “Спасибо, но теперь мы сами”. Что делать будешь?

— Сдам полномочия, выдохну и встану в ту же очередь. Ты пойми, я не боюсь показаться глупым перестраховщиком, я не хочу оказаться мёртвым... В общем, ты понял.

К воде пришлось продираться через кустарник, расширять бочажок, чтоб набрать в пятилитровку, ждать, пока смоев муть, и всё равно Артем посоветовал воду перед кипячением профильтровать через ткань. Потом ещё Кириллу приспичило найти место, где можно подкатить прицеп. В итоге экспедиция затянулась, и вернулись к дому весьма не скоро.

— Милая, я дома. Теперь у нас есть, чем умываться и посуду помыть. — Он сгрузил в коридоре принесённые баклажки.

— Я здесь, — раздалось из комнаты.

К его удивлению, за прошедшее время Светка, оказывается, весьма много успела сделать. Небольшие обломки мебели свалены в углу, платяной шкаф, освобождённый от содержимого, поднят вертикально. Валяющиеся вещи по большей части сложены в несколько стопок. Комната начинала снова приобретать уют.

Артём украдкой присмотрелся к жене. Она сновала по комнате, сортируя вещи, деловитая, вроде даже весёлая, слёз не видно. Ну и слава Богу! Увидев входящего мужа, распрямилась, утёрла лицо о плечо выпрямленной руки, дунула на лезущую в глаза прядь.

— Ты ополоснулась? — поинтересовалась заботливо.

— Просто умылась. Там берега сильно заболоченные, да и мужиков задерживать не хотел. Ты за меня не переживай, я в походе, бывало, неделями не мылся.

Светка прыснула.

— Вот успокоил! Я за себя переживаю! Неделю с немывтым мужчиной! Бр-р-р!

— Ну, я принёс воды, можем помыться.

Жена подошла, приподнявшись на носочках, чмокнула мужа.

Как-то за делами незаметно подкрался вечер. Перед ужином устроили романтическую помывку — при свечах, пристроенных на стены. Артём подогрел воды в широкой кастрюле, из которой и поливали друг друга походной кружкой, забравшись в ванну вдвоём. Романтика подзатынулась, ужинать пришлось при тех же свечах. На улице смеркалось, к тому же окно кухни пришлось затянуть запасной шторой от ванны, а батарейки в фонарях Артём предложил поберечь.

Наконец, в дрожащем свете единственной свечки Светка сервировала столик. А потом неожиданно для Артёма подошла и присела к нему на колени. Мелькнула мысль, что супруга решила продолжить романтику, но она заглянула в глаза и спросила без нотки игривости:

— Скажи мне, муж, что с тобой происходит? Только не надо считать меня маленькой дурочкой. Конечно, очень приятно, что ты стараешься убедить меня от всего. Но иногда лучше сказать правду. Ничего, я вообще-то уже большая девочка и выдержу. А сейчас ты как будто не со мной, не здесь. Тебя что-то гнетёт, я вижу.

— Если честно, я в разрае, — Артём тяжело вздохнул. — По всем планам, что разрабатывали с Владом, мы уже должны были уйти.

— Куда?

— У нас с Владом есть убежище. Помнишь, я рассказывал? Его начали оборудовать, когда мы с тобой ещё не были знакомы.

Светка пожала плечами.

— Это какой-то ваш шалаш в лесу?

— Шалаш? — Артём даже усмехнулся. — Нет, родная, это далеко не шалаш. Дело в том, что Владов дед — лесник, его кордон в тридцати километрах отсюда, в стороне от дорог и деревенок, глухомань-глухоманью. Так вот, километрах в десяти от его домика была заброшенная, полуразвалившаяся землянка. Чья — непонятно, Влад ещё в детстве нашёл. Место удобное — скрыта от случайного взгляда, рядом родник, в километре — река. Мы ее расширили, углубили, отремонтировали. Выкопали второй этаж вниз. Запасов, конечно, натащили. Короче, сейчас это полноценный бункер, хорошо замаскированный и оборудованный.

— То есть ты предлагаешь уходить?

Артём надолго замолчал. Света терпеливо ждала, не торопя с ответом. Наконец парень выдохнул:

— Я не знаю! — сжал себе голову руками, как будто боясь, что она разорвётся, как гнилая перезревшая тыква, почти выкрикнул: — Не знаю!

Продолжил уже тише:

— Понимаешь, для меня, если честно, вся это выживальщическая тема была, как... — замялся, пытаясь подобрать слово, пощёлкал пальцами, — ну, не игра, конечно, скорее вот — хобби! Влад — тот на полном серьёзе относился. И Вера, конечно. Они бы сейчас не сомневались ни минуты, а я... Раньше всё казалось логично: бабах — ядерный взрыв! Или, — он иронично улыбнулся, — инопланетяне. Кругом паника, неразбериха, те, кто сильнее, топят слабых. В смысле — отбирают у них еду, шмотки. Кругом разруха, в общем — апокалипсис, версия двадцать первого века. Тогда всё просто и понятно: Влад на своём монструозном “джипе” заезжает за нами, мы все вместе едем, отстреливаясь от обезумевших толп, к дедову кордону, там маскируем машину, пешочком в бункер и закупориваемся. А сейчас?

В горле пересохло, он отпил чаю, продолжил:

— А сейчас... Бабах — и? Что это, ядерная война? Теракт? Просто безалаберность, приведшая к техногенной катастрофе? Как понять? Ни тебе паники, ни мародёров, от которых отстреливаться надо. Вдруг мы сейчас уйдём, запрёмся в бункере, запасов у нас там на год, это на четверых, а завтра или послезавтра — раз, и въезжает в город колонна спасателей,

над головами вертушки летают, по мегафону просят сохранять спокойствие. Разворачиваются госпитали, пункты горячего питания, вода в цистернах.

Он даже явственно увидел, как это будет: на улицах люди в ярких комбинезонах, плачущие жители с наброшенными на плечи пледями — какая-то штампованная муть из телевизора.

— А теперь представь, — Артём даже хохотнул, правда, смех вышел нервным, — выходим мы такие через годик-другой из лесу. А тут уже и город отстроили, жизнь идёт обычная. Нас из квартиры выселили, с работы уволили, вообще — числимся среди мёртвых. Документы восстанавливаем, и тут ко мне из банка: “Так вы живой? А у вас за ипотеку год просрочки!”

— Ага, — включилась Светка, — выходим мы заросшие, оборванные, у тебя борода до пояса, встречаем бабку. “Бабка, немцы в городе есть?”

— Да не, ну, какие немцы? Ты о чём? И борода за год так не отрастает...

— Ладно, — жена щёлкнула его по носу, — проехали. А если не теракт? Если всё-таки то, к чему вы готовились? И сегодня это только прелюдия. А завтра тебе и мародёры, и беспорядки, и что там у тебя по списку?

Артёма резануло. Ну, конечно, было дело. Они как раз копали второй этаж в будущем бункере, и в перерыве зашёл разговор. Что послужило поводом, он уже и вспомнить не мог. Когда Влад, развалившийся на подстеленной пенке, задумчиво вертя в пальцах сорванный стебель, вдруг ни с того ни с сего спросил:

— Слушай, Тём, а что ты знаешь о Варшавском гетто?

— Это где немцы во время Второй мировой почти всех евреев уничтожили? — пожал плечами. — Да только это и знаю. Фильмы видел, “Список Шиндлера” и, по-моему, “Пианист” о том же. Ты к чему?

— А знаешь, что меня во всей этой истории больше всего вымораживает? Вот смотри. Война, как ты знаешь, началась первого сентября, операция “Вайс”. Я сейчас не про то, вероломно или нет, были шансы у поляков или нет, и тому подобное. Я о датах. Восьмого сентября немцы дошли до Варшавы, тогда началась её оборона. Окружили город только четырнадцатого. Двадцать восьмого гарнизон капитулировал, немцы вступили в город. О том, какую политику немцы проводят в отношении евреев, уже всем известно. Уже восьмого было понятно, что ловить нечего и надо рвать когти куда подальше. Так какого лешего эти ребята сидели и ждали?

— Я думаю, гражданских не сильно-то и стремились информировать о том, что всё плохо. Даже рядовой состав в армии, скорее всего, держали в неведении.

— Ну, допустим. Знаешь, когда было образовано Варшавское гетто? Шестнадцатого октября. Представляешь? Даже если брать от вступления немцев в город, прошло семнадцать дней! Больше двух недель! О чем они думали? Что нас это не касается? Мы в стороне? Ещё пятнадцатого можно было уехать, не знаю, уйти, может, бросив вещи, ценности, взяв только детей в охапку. Что их держало? Дома? Бизнесок? Наверное, были голоса про то, что надо бежать, да кто же слушал! Небось, говорили: вот, мол, две недели уже немцы в городе, а жизнь продолжается. — Голос Влада понизился почти до шёпота. — А шестнадцатого они все встали на эскалатор, с которого соскочить уже было нельзя и который довёз их до крематориев Трешлипки.

И вот сейчас Артём вспомнил тот случайный разговор, и он отозвался совсем другими мыслями, чем тогда.

— Знаешь, родная, хоть у нас сейчас по улицам не мечутся обезумевшие толпы, и народ не дерётся за кусок хлеба, но всё же давай подготовимся, чтоб, если придётся делать ноги, не пришлось бросать всё и убегать, в чём есть. Хорошо?

— Хорошо, любимый, — она кивнула с серьёзным видом. — А теперь давай всё же поедим, а то уже остыло.

Первая ночь новой жизни прошла без приключений. Район как вымер, народ большей частью затворился по домам. Артём проверил дверь, запер на все запоры, скептически посмотрел на окна, но решил, что сегодня персонально

его квартиру штурмовать при помощи приставных лестниц или спускаясь с крыши на верёвках, в лучших традициях спецназа, никто не будет.

Всё же достал из сейфа ружье, проверил, зарядил и положил под руку, накрыв брошенной курткой, чтоб в глаза, если что, не бросалось. Затем улёгся на ворох из пенек, матрасов-самонадуваек, расстеленных спальников и сгрёб жену в охапку. Так, обнявшись, они и проспали всю ночь.

Утром разбудил грохот в дверь. Покосился на куртку, но с лестничной площадки послышался Мишкин голос. Блин, да так он весь подъезд перебудит!

— Чего буянишь? — открыл дверь и посторонился. — Проходи.

— Я на минутку, извини, брат, дела. А вы спите, как сурки, не достучишься. Спать ночью надо, а не черт-те чем заниматься. — И подмигнул пошаркавшей мимо них в сторону кухни Светке. — Между прочим, пока некоторые дрыхнут чуть ли не до полудня, другие с рассвета уже о своих соседях думают. Короче, заходил Кирилл, просил прикинуть, где брать дрова и как централизованно организовать кипячение воды. И, возможно, готовку горячей еды. Он опасается, что если все начнут готовить по своим нормам, то район может запылать не хуже города.

— Ну да, логично. — Артём, хмурясь, поскрёб затылок. — Я об этом как-то не подумал. Ладно, сейчас закину что-нибудь в топку и пойду гляну, откуда лучше доставку топлива наладить. А по поводу готовки... Ладно, посмотрим.

В этот момент щёлкнул замок соседской квартиры, и в приоткрывшейся щели показалась физиономия Александра.

— Ты чего шумишь ни свет ни заря?

— Заря, Саша, уже давным-давно отыграла. Все пчёлки вылетели и трудятся во славу улья. Только трутни дрыхнут.

— А чего вскакивать спозаранку? На работу же не надо.

Тут Саня перевёл взгляд на Артёма.

— Слушай, у тебя воды ещё нет?

— Вы что, — Артём усмехнулся, — ребёнку ванну устраивали?

Честно говоря, он подумал, что у семьи с маленьким ребёнком расход воды, в общем-то, окажется выше как раз из-за гигиенических нужд. Это взрослый человек вполне может обойтись какое-то время без мытья. Ничего, запах пота, в отличие от обезвоживания, не убивает.

— Да понимаешь... — замылся сосед. — Зинаида Петровна со своей рассадой...

— Ч-о-о-о?! — взвился Артём. — Ты хочешь сказать, что вы воду, которую я оторвал от своей семьи, фактически вылили в землю?!

— Да там и было-то всего литр, может полтора...

— Саня, я тебе дал питьевую воду. Понимаешь — питьевую. Мы даже для умывания её не используем.

— А как же?..

— А так же, — подключился Миха. — Взял тару, и гоу ту ручей.

— Да ладно, что вы завелись? Будто свет клином на этой воде сошёлся. Если тебе жалко, так и скажи. В конце концов, будет же она, рано или поздно.

Ребята опять переглянулись, Миха покачал головой, Артём вздохнул.

— Кстати, забыл сказать, тебя, Саня, тоже касается. В полдень общее собрание района. Будем решать, как жить дальше. Кто не придёт, пусть потом пеняет на себя и не говорит: надо так или эдак. Есть предложения — приходи. Не придёшь — делай, что решило большинство.

— Куда приходиться-то?

— Традиционно, к школе.

Что-то буркнув, сосед скрылся за своей дверью, клацнул замок.

После завтрака Артём, дав задание жене собрать походные вещи, отправился выполнять поручение. Попутно решил пополнить запасы мыльевой воды, но в этот раз не стал таскать баклажки в руках, а набил ими свой огромный рюкзак. В приступе соседского расположения даже позвал с собой Сашку, но тот, прикрывшись какими-то невнятными отговорками, отказался, не забыв попросить и на его долю захватить баклажку-другую.

Поход занял часа три. Сначала разведаль дорогу, по которой можно будет подкатить прицеп. Неожиданно это оказалось не так просто: кратчайший путь к лесу, где можно напилить нормальных дров, а не ограничиваться ивовым хворостом, был пешеходным. Лишь на обратном пути зашёл за водой.

Обратно шёл нагруженный, как мул. Район словно вымер, люди на улицах почти не попадались. Усмехнулся про себя: антураж прямо для съёмки постапокалиптических фильмов. Сейчас из-за угла ка-а-ак полезут зомби!.. А он с тяжеленным рюкзаком и без оружия. Грустно усмехнулся: похоже, их предположения сбывались, правда, пока без мародёров и мутантов, но лиха беда начало. Что там впереди?!..

Пустые провалы окон много где были уже закрыты. Местами, как и у него, шторами для ванн, местами парниковой плёнкой. Попались один или два забитые фанерой. Интересно, как там люди живут, в полной темноте? И наконец, в соседнем с ним доме — три окна, сверкающие свежим остеклением. Ну да, для стекольщиков сейчас — золотые денёчки. Ещё месяц — и зарядят дожди, за шторкой из ванны не отсидишься.

— Тём, а мы можем взять мои платища?

Он вздохнул.

— Малыш, ну, где ты собралась в них ходить? По лесу? Медведям показ мод устраивать?

— Но они совсем-совсем мало места займут, вот смотри, — она показала небольшой сверток. — Ты пойми, я же девочка, мне нужны платишки.

Артёму показалось, или в уголке её глаза мелькнула влага? А свёрток действительно небольшой, ну, как тут отказать? Внезапно он почувствовал сильный приступ нежности. Вот ради кого он должен быть сильным! У него есть ради кого выжить! Шагнул, стрёб в охапку и сжал в объятиях так сильно, будто стремился втиснуть её внутрь себя, чтоб защитить, оградить от всего мира.

Из глубин объятий пискнуло:

— Артём, ты меня раздавишь!

Спохватившись, ослабил хватку, поцеловал в ушко.

— Ну, конечно, малыш. Кидай в стопку, что в мой рюкзак пойдёт. И обязательно что-нибудь из косметики прихвати, будешь у меня самая красивая!

— Среди медведей? Поверь, это будет несложно. Я лучше гигиенических средств прихвачу.

Ближе к полудню Артём постучал в дверь соседа снизу. Тот сказал, что догонит. У него со вчерашнего оставалась девица. Догнал его уже на проспекте. Артём стоял, молча созерцая всё ещё горящий город.

— Ух ты! Да сколько же он гореть-то будет?

— Я читал, что Москва в восемьсот двенадцатом году горела четыре дня. И Гамбург во время так называемого “великого пожара” тоже, по-моему, четыре.

— Так Москва тогда была вся деревянная. А Гамбург? Это во время войны, когда бомбили?

— Нет, тоже в девятнадцатом веке. Но согласен, сейчас дерева в строительстве фактически нет. Хотя, если прикинуть, мебели в домах много. Опять же — центр был весь засажен деревьями. Короче, — Артём раздражённо махнул рукой, — что я, пожарный, что ли? Откуда мне знать, сколько он ещё гореть будет!

Потом повернулся к приятелю:

— А у тебя прогресс?

— В смысле?

— Судя по тому, что ты меня снова не пустил в квартиру, та подруга всё ещё у тебя?

— Вот ты Шерлок Холмс доморощенный! Ну да. А куда я её дену? Ей теперь идти некуда. — И кивнул на пожар.

— То есть она сейчас у тебя дома? Не боишься?

— Чего, что она хату обнесёт? Артем, не смешите мои подковы, как говаривал конь в одном мультике. Что у меня брать?! “Макбук”? Домашний кинотеатр? Представляю, как она плазму от стены отвинчивает и, шатаясь с ней в обнимку, по лестнице спускается. Это теперь мусор, никому не нужный!

Друзья повернулись спиной к горящим развалинам и неторопливо пошатались по проспекту. Артём усмехнулся.

— Может, тогда пришла пора знакомить с друзьями?

— Стесняется она.

— Стесняется? — пришла пора удивляться Артёму. — Что-то я вас с трудом понимаю. Поехать домой к парню, которого первый раз видишь, она, видите ли, не стесняется...

— Слушай, давай об этом не будем, — Мишка схватил соседа за руку, — по-братски прошу. Мне и самому во всей этой фигне тошно.

— Ладно, извини. Как думаешь, у Кирилла получится?

Мишка некоторое время помолчал, хмуро взглянул на приятеля, покачал головой:

— Мне бы этого очень хотелось, но... — вздохнул. — Кирилл мужик хороший и правильный, но он застрял в советском прошлом. Он верит в коллектив, в какое-то общественное сознание.

— А ты? Судя по всему, не веришь?

— Артём, я работаю в торговле, я за день встречаю очень много людей. У нас, конечно, попадаются вменяемые люди, но очень много таких, как твой соседка.

— Саня? — понимающе переспросил Артём.

— Ага. Потребитель как он есть. Сам ничего сделать не хочет, но все ему должны. Ты предлагал ему за водой вместе сходить? Так ведь нет, у него ребёнок маленький, у него тёща, жена, прочие отмазы. Но воды ты ему принеси. Почему? Так ведь ему все должны! Кто-то должен обеспечить его водой, потом кто-то будет должен ему продуктов. А ты что за голубая кровь такая, а? С какого-такого перепугу тебе все должны, а ты никому?

— Миха, не заводись, шут с ним, с Сашкой. Он безвредный...

— Да, безвредный. Пока он сидит в своей норе, и тёща с женой ему мозг выедают. Но попомни моё слово, когда их много... — махнул рукой. — Знаешь, как в Афинах поступили с Мильтиадом?

— Это кто?

— Вот те, здрасте, чему тебя, двоечника, в школе учили?! Это тот, под чьим руководством греки персов под Марафоном разбили. Ты хоть в курсе, что это было сродни чуду? Персидская империя тогда была на подъёме, а Греция — разрозненные полисы. Персы высадились у Марафона, это город такой. Войско афинян и их союзников платейцев управлялось десятками стратегами. Короче, что делать: нападать в поле или надеяться отсидеться за стенами, — эти стратеги договориться между собой не могли. Демократы фиговы. Тогда Мильтиад уговорил их всё-таки биться здесь и сейчас. Ну, а стратеги свалили на него всю ответственность, дескать, хочешь битвы? Ну, тогда давай, рули, инициатива, как известно, имеет инициатора. Тот порулдил, да так, что персов вынесли на пиках, их военачальник погиб.

— Хм, честно говоря, я помню, что была какая-то битва, и гонец пробежал расстояние в сорок два с хвостиком километра до Афин, чтоб рассказать о победе. Я тогда всё удивлялся, почему нельзя было на коне доскакать. Лишь потом узнал, что на длинных дистанциях человек обгоняет лошадь. Прикинь?

— Да ладно, правда, что ль? Ну, тебе лучше знать. Я о другом. Знаешь, как народ отблагодарил Мильтиада? Когда тот заикнулся, что ему как полководцу было бы неплохо какой-нибудь знак отличия, например, масляный веночек, один из граждан в народном собрании встал и заявил: “Когда ты в одиночку побьёшь варваров, вот тогда и требуй почестей для себя одного”. Представляешь?! То, что чувак угадал с правильным моментом для битвы, фактически руководил боем, это всё фигня. Типа того, что у нас любой

гражданин от рождения на всё способен, хоть стратегом, хоть кем. И вообще, народ сам победил, без участия всяких мильтиадов и прочих примазывающихся.

— Мда, — протянул Артём, — это как раз знакомо. Если какой косяк на работе, ну, там график погрузки-выгрузки сорвали, с накладными напутали — это ты как начальник смены облажался. И пофиг, что на электрокарах акумы год как менять надо было или з/п кладовщиков порезали, и все грамотные разбежались, приходится набирать вчерашних школьников. А если все о'кей, то при чём тут ты?

Перспект в силу своей ширины оказался завален несильно: мелкий хлам, кое-где — поваленные столбы, кое-где — вывороченные прямо с корнями деревья. Виднелись проплешины от огня, но район не из “зелёных”, гореть особо нечему. По пути прошли громаду торгового центра “Звёздный” — безвкусный бетонный куб. На удивление, здание пострадало мало. Его как будто заранее планировали к подобным катаклизмам. В сторону центра обращена глухая стена, перед которой располагалась открытая автостоянка. Ещё одна парковка находилась непосредственно под “Звёздным”, во весь первый этаж. Стена, обращённая к проспекту, имела небольшие, вытянутые в высоту окна-бойницы. Стекла в большинстве на удивление уцелели. Стекланный фасад, обращённый в сторону небольшого палисадника, имел некоторый наклон наружу, нависая козырьком над высоким крыльцом в половину ширины здания. На фасаде также виднелось много целых стекол. Как минимум, весь первый этаж их сохранил, видать, витринное стекло оказалось не по зубам ослабленной ударной волне. На крыльце прохаживалась пара охранников.

За палисадником, сохранившим в тени “Звёздного” все деревья, начиналась территория районной средней школы. Площадь перед школой меньше автостоянки за “Звёздным”, но по традиции собирались именно на ней. Обычно администрация ТЦ без понимания относилась к идее пожертвовать парковкой ради массовых гуляний.

Школа, конечно, пострадала. Стёкла в окнах отсутствовали: ещё бы, это вам не витринное антивандальное стекло! Кое-где даже переплётов не было. Листы железа на двускатной крыше лохматились гигантскими завитками. В середине здания крыша вообще отсутствовала. Но стены, выложенные из силикатного кирпича, устояли. Следов пожара тоже не видно. Цело было и высокое крыльцо почти в половину человеческого роста, выступающее сейчас трибуной.

Народу собралось много. Конечно, не весь район — кто-то так и не пришёл. Ну, а кто-то не пережил прошедшую ночь. Мужчины, женщины всех возрастов. Артём осмотрелся — ни одного человека в форме, заметил несколько человек в форменных брюках, но все накинули сверху гражданское.

В центре, на крыльце страсти разгорались нешуточные. Несмотря на расстояние, было слышно, что орут там, не щадя связок, пытаясь задавить оппонентов децибелами. Смысл, в общем-то, понятен: как обычно, нашлось несколько “специалистов”, совершенно точно знающих, что делать. К несчастью, их виденья не стыковались между собой, а попытаться услышать чужую точку зрения было выше всяческих сил.

Среди орущих Артём, нисколько не удивившись, разглядел приснопамятного Родионьча, жестикулирующего рукой, замотанной какой-то тряпкой. На лице хорошо различимы ожоги. “Допожарничался”, — проскользнула злорадная мыслишка.

Сутулый мужчина, стоявший чуть впереди, повернулся, пропуская Мишано, и Артём узнал в нём одного из соседей.

— Валентин Семёныч, как вы?

Сосед обернулся, приветливо кивнул Артёму. Правая рука оказалась туго забинтованной от локтя до кончиков пальцев. Всё те же следы ожогов на лице.

— Я-то ничего, Федька обгорел сильно. Мы одну дверь вышибли, а от туда как полыхнуло! На нём одежда загорелась, пока сбивали... эх, — Ва-

лентин вздохнул. — Толик с первого этажа ногу распорол, ходить не может. Вот такая оказия.

Тем временем долетел крик Родионича:

— Товарищи, перед лицом надвинувшейся на нас опасности мы все как один должны объединиться. Надо немедленно провести инвентаризацию запасов. Выбранная комиссия должна пройти по домам и переписать наличные запасы: продукты, медикаменты, инструменты. Все ресурсы нужно объединить в каком-нибудь надёжном месте, можно в спортзале школы...

Толпа зашумела, один из оппонентов Родионича, энергичная тётка в брючном костюме и со сложной причёской, перешла на ультразвук, и окончание фразы потонуло.

— Ну, и зачем народ звали? Эти демагоги всё равно никого слушать не будут, между собой собираются наше будущее решать.

— Видимо, мы им для массовки нужны, так сказать, легитимация принятых решений, — подмигнул ему мужик в синей рубашке, — чтоб потом говорить: вы же все имели возможность высказаться!

Он был на полголовы ниже и значительно старше Артёма, крепкий, коротко стриженный, эдакий гриб-боровик, с расстёгнутым до середины груди воротом тёмно-синей рубашки, сквозь который красовалась массивная золотая цепочка. Довершали образ элегантные офисные очки в тонкой золотой оправе.

— И кто у нас теперь вершители судеб?

— Старого клоуна не знаю, — мужик показал подбородком на Родионича, — эта коза в брюках, Антипова, районная депутатша. С ней всё ясно, мозги заточены только на то, как что спиионерить да устроиться потеплее. Вон чуть пониже, слева, Марков пристроился, директор наших коммунальщиков. Туп, как пробка, в кресло директора благодаря тестю плюхнулся, который в мэрии за коммуналку отвечал. Надеюсь, сейчас в аду ему устроили тёплую встречу. Ну, и Расулов, замнач нашего ОВД, вон внизу тихарится, как обычно. Небось, дежурил, вот и пережил ночь. Так-то они с шефом в центре живут... Жили.

— Странно, там из нашего дома должны были быть.

— Да в самом начале какие-то деятели пытались вставить слово, но разве этих тренированных горлопанов переорёшь? — крепыш усмехнулся. — Это только старому хрычу удаётся. Тоже горлопан знатный, правда, он-то часто дельные вещи предлагает. А потом этих ребят и вообще дружина отёрла в сторону, и они где-то потерялись.

— Какая ещё дружина? — удивилась стоящая рядом сухонькая старушка в платочке и очках.

— Видишь, мать, на нижних ступеньках ребята молодые? Вот они и есть эта самая дружина.

— Когда их назначили? Я здесь с самого утра, ни о какой дружине не говорили.

— Они сами себя назначили, — проворчал ещё один стоящий рядом мужчина лет сорока, в гражданке, но с характерной выправкой и уставной причёской, — им без разницы — с кем, лишь бы с властью.

— Вот уж точно, — поддержал его крепыш, — всегда лучше босса охранять, чем на заводе горбатиться, какие-никакие крошечки с хозяйского стола перепадают. Какая власть без верных нукеров!

Мужчина с военной выправкой поморщился, но ничего не сказал.

— И чего решают? — поинтересовался Артём.

— Как обычно, кто виноват и что делать? — военный говорил, не отрывая прищуренного взгляда от “трибуны”.

— Ну, так и чего делать-то предлагают?

— Сейчас — только то, кто будет главный, — крепыш спиионил на асфальт. — А уже потом, наверное, эти главные придумают, как нами рулить.

— Кстати, не говорили, что всё-таки случилось?

— Вначале прозвучало, что по нам ударили американцы, — обронил военный. — Говорят, нанесли удар сразу по воинской части и по химкомбинату. Остальное — последствия.

— А вот в этом я сомневаюсь, — включился очкастый крепыш, — химичка давно пиндосам принадлежит, и НПЗ “Шелл” строил. Зачем им по своим же активам бить? Это же ущерб чистой воды!

— Кто знает? — пожал плечами военный. — Может, решили, что допустимые потери. В любом случае, на ядерный удар похоже.

— Вы... уверены?

Так что же, всё-таки, оно? Артём прислушался к собственным ощущениям. Странно, не сказать, чтоб громом поразило. Только усталость какая-то появилась. Впрочем, решил он, это же неточно.

— Ой, батюшки, так у нас же радиация! — запричитала старушка. — Нас же надо эвакуировать!

— Успокойтесь, мамаша, сейчас ядерные боеприпасы достаточно чистые, остаточная радиация минимальна. Так что до смерти от радиации, скорее всего, ни вы, ни мы не доживём. Раньше от голода загибёмся или перебьём друг друга.

— И правда, — взмахнула руками старушка, — а вы не знаете, торговый сегодня откроется? Надо же крупки купить, соли опять же.

— Это, мать, сейчас, наверное, всех беспокоит, пойду-ка я лучше гляну, что там у нас с торговлей. — И крепыш начал пробираться к выходу из толпы в направлении “Звёздного”. Старушка пристроилась к нему в кильватер, а за ними и Артём, решив, что делать на “собрании” больше нечего, но вскоре осознал, что почти все средства на пластиковой карте. Не было привычки таскать много наличных, дескать, так целее будут. Вот они и уцелели, на счёте в банке. И пусть его деньги — это не реальные бумажки, выгорающие в банковском хранилище, а набор кодов в компьютерной базе, только получить к ним доступ в обесточенном мире не представлялось возможным.

Около “Звёздного” Артём нос к носу столкнулся с соседом Саней.

— Я тоже решил закупиться, — сказал он, — а то дома уже голяк полный. У малого смесь скоро кончится. Да и воды бы купить.

На площадке перед “Звёздным” успело собраться прилично народа, но по ступенькам пока никто не поднимался. На крыльце переминались уже четверо охранников, судя по всему — нервничали. Вот так, парни! А вы думали, служба — это сутки на стульчике за монитором и трое дома на диване? Иногда смена так и не кончается.

— Граждане, расходитесь, торговый центр сегодня не работает. — Один из охранников, по виду — главный, взял мегафон.

Расходиться народ явно не спешил. Но и заходить за лёгкие переносные перильца, выставленные по границе ступенек, не торопился. Чоповцы все были в чёрных бронжилетах поверх чёрной же формы, в руках — помповые ружья. Лица кислые — ситуация им явно не нравилась. Всё-таки они пришли в охрану не жизнь класть за хозяйское добро, а спокойно сутки-трое зарабатывать себе на хлеб насущный.

В отличие от них, парень с мегафоном, лет тридцати-тридцати пяти, являл образ верного пса — с решительным лицом, эдакий правильный боец. В перерывах между объявлениями он что-то энергично втирал своим коллегам. Похоже — проводил инструктаж.

Четвёртый, совсем мальчишка, на вид едва ли больше двадцати, боялся, хотя старался не подавать вида.

— Опасаются, что народ разметёт их кубышку. — Голос Сашки напоминал сейчас рычание шавки, боящейся, и в то же время стремящейся добраться до возжеленной косточки, возле которой расположился более крупный пёс. Рычание, переходящее в подскуливание.

— Они на работе, — пожал плечами Артём, — кто знает, чем всё закончится, а им отвечать.

— Да их хозяева в центре кремировались и скоро пеплом на нас просыпаются.

— Во-первых, откуда ты знаешь, что хозяева нашего “Звёздного” были в эпицентре взрыва? Ты вообще знаешь, где они живут? Может, за кордоном. А во-вторых, даже если хозяева накрылись, охрана работает не на конкретного дядю, а на фирму. Погибли одни хозяева, найдутся другие.

Военный, оказавшийся снова рядом, посмотрел на Артёма своим долгим внимательным взглядом, потом кивнул и еле заметно одобрительно улыбнулся.

— Ещё раз повторяю, граждане, магазины сегодня не работают. Пожалуйста, покиньте территорию.

— А нам как быть? — закричал кто-то из толпы. — Второй день ни один магазин не работает, дома шаром покати. Что, с голоду теперь подыхать?

— Воды хотя бы дайте купить, воды! Водоканал пересох, мы даже из сливного бачка воду уже вычерпали.

— Бли-и-ин! — раздалось рядом характерное. Девчонка даже ручонками задрогала, подпрыгивая на мысочках. — Даже голову помыть нечем. Я, наверно, лохматая, как кикимора. Хорошо, что в универ пока не надо. — Окружавшие подружки её активно поддержали.

— Проблемы с причёской? Стригись налысо, — буркнул Артём, вроде негромко, но его услышали, — так и вшей меньше будет.

Пожилой крепьш заржал в голос, хлопнул ободрительно по плечу. Девчонки зашипели, ну, чисто кошки.

— Народ, как вы не понимаете, — старший охранник уже без мегафона пытался достучаться до разума толпы, — персонал ТЦ на работу не выходит, многие скорее всего погибли. Да если бы и вышли, всё равно — света нет, там темно и кассы не работают.

— Ну, и что нам делать? — за ограждение прошёл мужчина, потрясая руками. — Нам чего делать?

— Так, господа... кхм, граждане... — Через толпу пробирались давешние “вершители судеб”: Родионыч, “брючная коза” и мужчина в милицеской форме, наверно, тот самый Расулов. — Да пропустите же!

Они прошли сквозь ограждение и решительно поднялись на крыльцо. Следом шла четвёрка молодых парней, уже с повязками на рукавах, судя по всему, та самая “дружина”.

Лица пожилых чоповцев стали разглаживаться, а вот старшему явно не понравилось. Он выдвинулся вперёд на пару шагов, поднял руку ладонью вперёд и что-то спросил.

— Мы комитет самоуправления района, — визгливый голос “козы” донёсся до задних рядов всё увеличивающейся толпы. — В связи со сложившимися чрезвычайными обстоятельствами требуем передачи под контроль комитета имеющихся ресурсов и продовольствия.

— Это частная собственность... — начал было старший охраны, но его буквально заткнул Родионыч:

— Какая, на фиг, собственность?! Ты что, не видишь, что творится? Нет твоих хозяев больше, не перед кем отчитываться. Мы теперь для тебя власть!

“Брючная коза” при этом явственно скривилась, но промолчала. А Родионыч добавил, подпустив в голос язвительности:

— Или сам хотел на кубышку сесть? Местным олигархом заделаться?

Видимо, подобные мысли “старшему” были не чужды. Как минимум — посещали. И может быть, будь парень порешительнее, он имел неплохие шансы: всё-таки десяток человек под единым командованием с дробовиками против дезорганизованной безоружной толпы — это сила. Но — не судьба. Всё-таки верный пёс — это не волк: мало хорошо исполнять чужую волю, надо иметь свою.

Артём осознал, что буквально на его глазах, вот прямо сейчас происходит пресловутый передел собственности. Такой же, как в забытых девяностых. Старший охранник порывался что-то сказать, несколько раз открыл рот, взмахнул свободной рукой с мегафоном. Противостоящие люди спокойно наблюдали за его метаниями с минуту, потом Расулов негромко что-то сказал, и было видно, как бывший старший как будто переключил тумблер, включив привычного ему “хорошего исполнителя”.

— Да, конечно. Сейчас Смирнов вас проводит. — И повернувшись к одному из пожилых чоповцев, приказал: — Николай, проводи товарища майора с сопровождающими...

Расулов, пара парней и охранник Николай куда-то ушли. К краю крыльца вышла депутатша Антипова:

— Граждане, пожалуйста, успокойтесь, все получают доступ к продуктам питания. Но для этого нам надо наладить учёт имеющегося. Сейчас выбранная комиссия пройдёт в торговый центр для проведения инвентаризации. Позже, как только комиссия закончит, мы сможем провести выдачу продуктов.

— Знаем мы ихнюю инвентаризацию, — забормотала бабка, — вначале нахапают себе полные закрома, а нам — что осталось.

— Интересно, кто их выбрал? — не обращаясь ни к кому, проговорил Артём, имея в виду пресловутый “комитет”.

— Да сами себя и выбрали, — в тон ему ответил военный. — Может, даже протокол какой уже успели сострять.

— Ага, — фыркнул пожилой. — Не согласен? Так надо было на собрание приходить. Какое собрание и почему не были собраны все? Так время сейчас такое, не терпит промедления.

— А как быть с деньгами? У большинства деньги на карточках! — выкрикнули из толпы.

Антипова беспомощно повернулась к остальным самопровозглашённым отцам района. За это время к ним успела присоединиться ещё пара человек: коммунальщик Марков и незнакомый пузатый мужик в спортивном костюме. Вперёд выступил Родионьч:

— Товарищи, мы всё прекрасно понимаем, не переживайте. Товары первой необходимости будем выдавать по записи.

— И как? Сколько унесёшь? Или по числу едоков? А у меня ребёнок грудной.

Группка на крыльце опять принялась совещаться. Видимо, ни к какому решению не успели прийти, как выступил Родионьч:

— Не переживайте, составим отдельные списки нуждающихся. Семьи со стариками или маленькими детьми будут в приоритете.

А вот с этим остальные его поделщики оказались не согласны. Антипова что-то зашипела ему в ухо.

Наконец Родионьч, Антипова, Марков и новый толстяк развернулись и ушли вглубь “Звёздного”. Толстяк, ткнув указательным пальцем в грудь старшего охраны, что-то отрывисто ему приказал. И получил в ответ кивок-подтверждение. Тут Артём обратил внимание, что, пока суть да дело, первые, разреженные ряды толпы уже просочились сквозь ограждение и успели подняться до середины ступенек. Старший охраны опять взял мегафон:

— Граждане, освободите территорию торгового центра. Допуск на территорию будет организован позже, когда комиссия закончит работу.

— Маловато у тебя, парень, силёнок, чтоб толпу остановить, — буквально под нос себе проговорил военный. — Я бы на твоём месте сейчас двери держал. Да ещё и решётку внутреннюю опустил.

— Да-а-а... — протянул пожилой, — сейчас народ на солнышке пожарится, терпежу подрастеряет. Их тогда и строим ОМОНа не остановить будет.

Трое охранников плюс оставленные им в помощь “молодчики” вышли цепочкой к толпе и постарались её отгеснить. Большинство, развернувшись, ушли за ограждение, но некоторые, спустившись на несколько ступенек, там и остались. Старший, по-видимому, посчитал задачу выполненной и вновь поднялся на крыльцо.

— А когда выдавать начнут? Дайте хотя бы воды!

— Воды, воды! — покатилося над изрядно разросшейся толпой. Сейчас перед ТЦ народу было явно больше, чем на собрании у школы.

— Граждане, ну, подождите немного, скоро всё будет!

В этот момент к старшему подбежал ранее ушедший Николаев. Он что-то быстро ему доложил. Изменившийся в лице старший решительно ткнул пальцем во второго пожилого охранника, потом указал на одного из молодчиков. Тот отдал ему ружьё. Далее старший повернулся к молодому:

— ...за старшего... никого... подмогу.

Молодой чоновец подтянулся, кивнул в ответ. После чего старший и оба пожилых бегом скрылись внутри “Звёздного”. Остались втроем: молодой

чоповец и пара “дружинников”, один из которых вооружился отданным помповиком. Толпа меж тем очень медленно, по шажочку, по одной ступенечке, но вместе с тем неотвратно накатывалась на оставшуюся тройку. Первые ряды, ещё пару минут назад позади бывшие разреженными, спланивались, насыщаясь подходившими из глубины людьми. Наиболее решительные энергично проталкивались вперёд, их охотно пропускали. Ропот постепенно усиливался.

— Сынок, ты уж пусти нас, у нас дома дети малые, их кормить-поить надо.

Парень, вначале строивший из себя грозного охранника, постепенно сдувался. От строгих окриков: “Граждане!” — постепенно перешёл почти к умоляющим интонациям:

— Ну, пожалуйста, отойдите назад. Не напирайте. Сейчас старший вернётся, он вам всё расскажет.

— Слышь, вы что, глухие? Ну-ка отвалите назад на десять шагов! — молодчик передёрнул затвор. При этом из окна выбрасывателя выскочил ранее уже досланный патрон. Небольшой красный цилиндр глухо подпрыгнул на плитке и покатился по ступенькам под ноги приближающимся людям.

— Баран... — сквозь зубы негромко выругался военный.

На “дружинника” не обратили внимания.

— Парни, пропустите нас, Христом Богом молю, нам бы только водички взять. У вас её там много, а у нас семьи от жажды мучаются.

Первые ряды перевалили через верхнюю ступеньку. Громкие выкрики почти прекратились, негромкий ропот набирал силу. Толпа гудела, наэлектризовываясь. Противостоящая ей троица отступала к стеклянным дверям.

— Уходите внутрь, пацаны. И двери закрывайте, — буквально прошептал державшийся рядом крепьш и покачал головой. Он, Артём и военный по-прежнему оставались позади основной массы людей, продвинувшись за это время всего на несколько шагов. Сашка как-то незаметно растворился в толпе впереди. Но охранники, уже вжавшиеся спиной в стеклянную стену, также продолжали кто криками, кто просьбами отгонять надвигающуюся толпу. И вот толпа начала давить на парней, вставших плечом к плечу в проёме так и не закрытых стеклянных дверей. Один дружинник, держа ружьё двумя руками, отжимал им напиравших. Второй отталкивал людей голыми руками. Молодой чоповец, прижав ружьё к себе, как щит, встречал толпу грудью. Толпа качнулась вперёд и просто смела стоящих в проходе. В дверях мгновенно возникла давка, раздались крики и ругань. Наконец, вся масса народу начала вливаться в двери. Зазвенела разбившаяся витрина, звон перекрыли крики боли, но ничто не могло остановить народ. Как сквозь рухнувшую плотину, людская масса вливалась внутрь “Звёздного”, растекалась в фойе и исчезала в темноте громады торгового комплекса.

— Д-а-а... дела-а, — протянул крепьш, — я внутрь не пойду. Там сейчас такая бойня начнётся...

— Идиоты, — согласно кивнул военный, — они и сами ноги попереламывают, и продукты по большей части побьют, пораскидывают. А ещё, я думаю, сегодня ночью на улицу лучше не выходить. Пока запасы алкоголя у народа не кончатся.

Развернулся и пошёл от “Звёздного”. Крепьш сплюнул, выматерился и тоже отправился восвояси. Артём, подвижимый любопытством, поднялся на крыльцо. В двери продолжали забегать опоздавшие к началу погрома. Внутри в темноте металась смутные тени, изредка мелькали огоньки фонариков и зажигалок. Где-то бабахнул выстрел.

Один из дружинников, который безоружный, тяжело дыша, подполз к рамке металлодетектора, стоящего против входных дверей, чуть в глубине холла, и облокотился в изнеможении. Кожаная куртка разорвана и залита кровью. Лицо превратилось в кровавую маску. Артём не поручился бы за его рёбра и внутренние органы, но парень жив, конечности целы, сильных кровотечений не заметно.

Рядом с входом лежал мёртвый молодой чоповец. Видно, что толпа по нему пробежалась. Внутри бабахнул ещё один выстрел. Артём постоял немного

в оцепенении, подошёл к мёртвому чоповцу и опустился рядом с ним на корточки. Мимо, озираясь на них, забегали внутрь ТЦ всё новые и новые люди. Некоторые тащили с собой большие клеёнчатые сумки или рюкзаки. Тёма вздохнул, закрыл мёртвые, такие наивно-удивлённые глаза молодого охранника.

— Вот ты где, я тебя обыскался! Что тут у вас... Вот, чёрт!

Артём обернулся. За спиной стоял Миха, переводя ошарашенный взгляд с мертвеца на раненого дружинника.

— Не, ну, погромы в магазинах я видел, но чтоб до такого, — шумно выдохнул, помотал головой, — совсем озверел народ. Надеюсь, ты туда не собираешься?

— Я что, совсем на голову большой?

— Тогда пойдём домой.

— Нашёл Кирилла? — спросил Артём, когда они уже не спеша шагали к дому.

— Нашёл, — без энтузиазма ответил Мишаня, — он только матерится. Говорит, слова вставить не дали.

— Если честно, Мих, я почему-то так и думал. Сейчас наверху такая грызня пойдёт, только держись. Зубы, как у волка, нужны и полное отсутствие совести. А твой Кирилл не такой. — Помолчал, потом хмыкнул: — Не, а Родионыч-то каков, видал? Энтузиаст хренов.

— Зря ты так на Родионыча...

— Что значит зря? Знаешь, кто опасней дурака? Дурак с инициативой! Вот наш Родионыч и есть — инициативный придурок. Видел, чем его пожарная эпопея закончилась?

— Что есть, то есть, но он хоть за общее дело радеет, просто...

— Просто дурак, — закончил за Мihu Артём.

— Ладно, чего ты на него взъелся? Кирилл его хочет как нашего человека у власти использовать. Меня или тебя он слушать, конечно, не станет, а вот Вячеславовича уважает. Так что не всё ещё потеряно.

— Слушай, Миха, — Артём остановился, схватил приятеля за рукав. — Ты вот мне скажи, неужели нужно было всего один день, ну, хорошо, сутки, чтоб народ так озверел?! Ведь если взять каждого по отдельности — большинство мухи не обидит. Побоятся или пожалеет, не важно. Знаешь, я думал, что все эти рассказы об озверевших толпах в постапокалипсисах — это художественное преувеличение, ну, чтоб картинку пострашнее изобразить. Но тут!

Мишаня тоже остановился, посмотрел иронично.

— Знаешь, у нас на работе периодически проводили тренинги. Считается, что торговый представитель без этого не сможет быть успешным. Пичкали всяческой техникой продаж, работой с возражениями. По-моему, так просто бабки отмывали. Но иногда попадались грамотные ведущие. И вот как-то раз в перерыве мы трепались о разном, и кто-то спросил, как так происходит, что люди буквально переобуваются в прыжке.

— Чего-чего?

— Меняют своё мнение, — пояснил Миха.

— И при чём тут это?

— Ща поясню. Вот смотри, стоишь ты на платформе, ждёшь электричку, собралась толпа. Подъезжает поезд, уже забитый. Ты начинаешь в него ломиться вместе со всеми. А дальше, как говорится, следите за руками: вот ты ещё на платформе. Впереди тебя какие-то счастливики, которые перешагнули порог и уже в вагоне, а ты ещё снаружи. Ты ощущаешь себя частью тех людей, что ещё стоят на платформе, вы вместе орёте внутрь: “А ну не стойте в дверях, из тамбура проходите в вагон, всем надо ехать!” Ты вместе с теми, кто снаружи, ненавидишь тех, кто уже влез. За то, что они не хотят немного сдвинуться, что они уедут, а вы ещё рискуете остаться... — Мишка сделал паузу. — Но вот ты делаешь шаг через порог. И что? Миг, и ты уже ненавидишь тех, кто толкает тебя в спину, с кем ещё мгновение назад был готов разорвать тех, кто внутри! Ты уже в лагере вошедших, и ты вместе с другими вошедшими орёшь назад: “Куда прёте?! Через десять минут следующая электричка!”

Артём расхохотался:

— Да уж, точно!

— Точно, — подтвердил Миха, с лица которого вдруг пропала вся весёлость. — А чему же ты тогда удивляешься? Люди — они и в Африке люди. Ещё вчера милые попутчики, с которыми ты ожидал электричку под названием “завтра”. Но что-то случилось, и до людей доходит, что в завтра они могут не уехать!

— Слушай, но не из-за какой-то воды и продуктов! Я бы понял, если это действительно был какой-нибудь последний поезд или пароход. Не сел — не выжил. Но, блин, мы в пустыне, что ли? У нас ручей под боком, чуть дальше река есть.

— Артём, — приятель посмотрел на него укоризненно, — это для тебя лес — и столовая, и водопой, и постель, и не знаю, что ещё. Посмотри, ты многих видел идущими за водой?

— Следы попадались, да и встретила пара человек с канистрами.

— Пара человек, — передразнил Миха. — Вот их в этой толпе и не было. А остальные? Взять хоть твоего соседку. Пошёл он с тобой? Нет. Для большинства булки растут не на деревьях, а в магазине, и другого источника продуктов они не знают.

— Слушай, не утрируй. У нас половина жителей — дачники. Каждый знает, как растить картошку. У многих колодцы на участках. Чего они на свои дачи не побежали?

— Может, кто и побежал.

— Саня не побежал. А дача у него, между прочим, есть. Там, небось, в подвале соленья-варенья с прошлого года, но он будет здесь сидеть и пытаться вымутить что-то в торговом центре.

— Ну да, Саня — это Саня, — Миха усмехнулся. — Может, ему до дачи далеко? Впрочем, шут с ним. Артём, люди без воды сидели со вчерашнего утра, больше суток. Дни стоят жаркие, ты когда-нибудь испытывал жажду? Впрочем, о чём я, ты-то наверно её специально тренировался терпеть. А вот для обычного человека жажда — это пытка. И ещё непонятно, что будет завтра. Так что я народ понимаю. Удивительно, что ещё вчера они “Звёздный” не разнесли, терпели. Может, надеялись на что.

Дальше шли какое-то время молча, каждый в своих мыслях. Но когда уже показался дом, теперь уже Миха придержал Артёма за рукав.

— Слушай, Тёмьч, у твоей жены нет каких-нибудь ненужных шмоток?

— Найдутся, наверное, а что?

Сосед поморщился:

— Да та подруга... Ну, которая у меня сейчас. У неё платице — только по барам ходить, а ей, понимаешь, сейчас идти некуда. Видишь, как получилось.

Артём покачал головой:

— Пусть приходит, Светка что-нибудь подберёт.

Рядом с подъездом встретили двух хмурых санитаров, несущих что-то на носилках, прикрытых смятой простыней. На простыне тут и там попадались бурые пятна.

Поднявшись на этаж, Артём лицом к лицу столкнулся с двумя мужчинами, как раз спускавшимися сверху. Увидев его, один из них, с папкой под мышкой, одетый как обычный гражданский — рубашка и джинсы, поинтересовался.

— День добрый, вы здесь живёте?

Артём остановился, оглядел их, задержал взгляд на втором, одетом как врач или фельдшер “скорой помощи”.

— Да. А в чём дело?

— Поквартирный обход. Собираем сведения о пострадавших.

Гражданский показал какое-то удостоверение, Артём не вчитывался. Фельдшер в это время стучался в другие квартиры.

— В пятьдесят первой нет никого, можете не стучать. Хозяева на зароботки уехали и появляются раз в полгода.

— Понятно, других соседей видели вчера-сегодня?

— Александра из пятьдесят второй сегодня у торговика видел, может, ещё не вернулся. А вот Николаичей из пятидесятой что-то давно не встречал.

— А вы сами? Дома раненые, пострадавшие есть?

— Да вроде все, слава Богу, живы-здоровы.

Щёлкнул замок, в щёлку двери высунулась любопытная мордашка.

— Свет, ты Николаичей последнее время видела?

— Не-а. Но они же тихие.

— Понятно. — Гражданский открыл папку, что-то пометил. — Значит, пятьдесят один пустует, в сорок девятой все ок, пятьдесят два, хм... подождём. Пятьдесят?

Посмотрел на фельдшера, тот снова захохотал в дверь соседей.

— А кто, говорите, здесь живёт?

— Пенсионеры — Валерия Николаевна и Мераб Николаевич.

— Вы их точно вчера и сегодня не видели?

Артем пожал плечами, переглянулся со Светкой. На лестнице послышались шаги, и на площадку, тяжело дыша и хромая, поднялся Сашка. Плечо отдавливала здоровенная клеёчатая сумка. Глаз заплыл, губы разбиты, на лбу — здоровенная шишка. Один рукав клетчатой рубашки отсутствует напроочь, брюки в какой-то пыли и грязи.

— Добрый день... О-о-о, где это вас так?

— Споткнулся, — хрипло выдохнул красный от натуги сосед.

— Вы аккуратнее, — посочувствовал гражданский. — Живёте в пятьдесят второй?

— А что?

— Дома есть раненые или пострадавшие при взрыве?

— Не, у нас всё хорошо.

Сашка поставил сумку, достал ключи, открыл дверь. Изнутри донеслось:

— Господи, Саша, что с тобой? А где мама?

Видимо, Сашкина жена караулила под дверью.

— Не знаю, мы разминулись...

Дверь захлопнулась, отсекая супругов Коровиных от собравшихся на лестнице.

— Так, здесь разобрались, — гражданский опять чего-то черкнул у себя в записях. — Ну-с, осталась эта квартира. Они точно перед взрывом никуда не уезжали? Может, на дачу?

Артем посмотрел на Светку.

— У них, кажется, нет дачи. Ну... — задумчиво потянула супруга, — по крайней мере, Евгения Николаевна никогда про это не говорила.

— Понятно, — гражданский кивнул, — значит надо взламывать. Алексич, давай.

— Погодите, как взламывать? Может, они просто отошли куда? Сейчас им дверь сломаем, а они бац — и возвращаются.

— Ничего, тогда починим. Начинай.

Фельдшер скинул со спины небольшой рюкзачок и вытащил гвоздодёр.

— Посторонитесь-ка. И не уходите, будете свидетелями.

— Понятыми?

— Да нам без разницы.

Хлипкая старая дверь долго не сопротивлялась. Фельдшер сделал приглашающий жест Артёму. За ними любопытным хвостом прошмыгнула Светка.

— Да уж, — хмыкнул вошедший первым гражданский, — отошли.

В большой комнате Артёму открылась удручающая картина. Всё, что могло упасть, оказалось переломано и сверху засыпано осколками стекла, влетевшими внутрь комнаты — окна Николаичей выходили как раз в сторону центра. А посередине, на стареньком диване лежали под одеялом два тела. То, что дальше от окна, пожилого мужчины. Он лежал на спине, белое, почти под цвет подушки лицо излучало спокойствие. Только на лбу, ближе к правому виску виднелся след от удара. На полу, как раз у изголовья, валялся макет атомной подводной лодки на тяжёлой мраморной подставке. По мрамору змеилась золотом надпись: “Капитану первого ранга Георгадзе М. Н. от экипажа”. Рядом на кровати лежал труп пожилой женщины.

Она пострадала больше, поскольку оказалась придавлена большим шифоном.

— Дед явно сразу кончился, а вот бабка тёплая, — констатировал гражданский, осмотрев стариков. — Его, видимо, при взрыве этой душой огрело, он и отошёл. А старуха просто не смогла сама выбраться из-под обломков. Ладно, смотреть больше не на что, Алексеич, засылай бригаду, надо жмуриков вынести, пока не запахли.

— Они не жмурики!

Все обернулись. Светка стояла, обняв себя руками, с побледневшим лицом и трясущимися губами.

— Извините, девушка, но такая у нас работа, — виновато проговорил фельдшер, — знаете, какая это по счёту квартира только за сегодня? Лучше не знать. Поневоле очерствеешь.

— Простите, — Артёма разобрано любопытство, — а это чьё распоряжение, нового комитета?

— Какой ещё комитет? — удивился гражданский, пожал плечами. — Нет, стандартный регламент при подобном ЧС, чтоб исключить эпидемию. Вы же не хотите жить по соседству с разлагающимися покойниками? Лучше скажите, у них родственники есть? С кем потом связаться?

— У меня телефон их сына записан.

— Телефон? Хм, ну, понятно, давайте хотя бы его. А сейчас пойдёмте. — И он сделал приглашающий жест руками.

Над диваном в рамке висела фотография: молодой военный моряк держит под руку девушку в белом платье. Снизу подпись: “Вместе до самой смерти”.

Потом пришлось долго успокаивать Светку. Она, проводившая дома больше времени, иногда заходила к старикам по-соседски. И, конечно, привязалась. Жгла мысль, что пока они завтракали и обедали, что-то обсуждали, вообще — жили простой обывательской жизнью, за тонкой стенкой умирал пожилой человек. Умирал медленно, придавленный тяжёлым шкафом, не имея возможности освободиться, дотянуться до лекарств. Артём мягко уговаривал успокоиться, объяснял, что сейчас тысячи стариков, и не только стариков, а молодых, здоровых людей могут умирать вот так, без помощи, без надежды. Под завалами, которые некому разгрести. От сердечных приступов в своих квартирах, потому что вызвать “скорую” некому, да и не приедет она. Что младенец соседей тоже под большим вопросом, поскольку у Саниной жены нет молока, а смогут ли они готовить смесь в достаточных количествах? И что делать, когда она кончится?

Не помогало. Слезы после успокоительного кончились, оставив две дорожки на щеках, но эти глаза! И ещё Светку колотило. Натурально, крупной дрожью, как в ознобе. Она сидела в углу, там, где раньше была их постель, обняв колени, и уткнувшись в них подбородком. Артём пристроился рядом, обнял, гладил по спине и голове, то упрасивал, то пытался шутить. Светка отвечала односложно, дескать, всё хорошо, и смотрела при этом полными боли глазами, не переставая трястись. Подождал минут пять. Потом десять. Светку не отпускало. Где-то у него была небольшая пластиковая бутылка с медицинским спиртом, дёрнулся было поискать, но потом задумался, можно ли спирт смешивать с успокоительным?

— Тёмочка, всё в порядке, не беспокойся, пожалуйста, я сейчас посижу ещё немного, и мы пойдём.

Да лучше бы она ревела! Бесплодные попытки успокоить супругу начали раздражать Артёма. Накопленное напряжение давало себя знать, и, столкнувшись с ситуацией, в которой оказался бессилён, он стал злиться. На себя, — за то, что не знает, как помочь супруге, а ещё за то, что никак не может решиться. На окружающих, теряющих человеческий облик, готовых рвать друг друга, лишь бы ещё хоть на день вернуть привычное. На их тупость и нежелание видеть дальше своего носа. И даже на жену. А ведь он ни разу в жизни на неё голоса не повысил! Но если она будет так переживать по поводу каждого погибшего пенсионера, они никогда не выберутся из этого района, готового скатиться в ад гражданской войны за выживание.

Злость бурлила и требовала выхода. Он встал, подошёл к стопке собранных вещей и взял чехол со спальным мешком. Не торопясь, сдерживая трясущиеся руки, чтоб не сорваться, вытащил его и бросил на пол. Потом присел перед женой, расцепил ей руки, развернул её и уложил на подстеленный спальник. Светка безвольной куклой повиновалась. И эта покорность разозлила его ещё больше. Видимо, что-то всё же отразилось у него на лице, потому как в её глазах мелькнуло удивление. Удивления добавилось, когда его рука рванула тонкую ткань домашнего платища. Одежда полетела в угол. “К черту, — мелькнула мысль, — всё равно эти тряпки с собой не потащу”. Света не сопротивлялась, только изумление постепенно вытесняло из глаз боль и отчуждение. А потом она стала отвечать. Отвечать страстно, как раскручивающаяся пружина, у которой лопнул стопор. В спину вонзились ногти, и ничем не сдерживаемый крик эхом катался по комнате впервые за годы жизни в этой квартирке с “картонными” стенами.

Потом всё закончилось. Саднила спина, на плече обнаружился след от укуса.

— Прости меня, Светик, я не знаю, что на меня нашло...

— Не извиняйся, пожалуйста.

Она взяла его голову в ладони, нежно поцеловала в губы.

— Знаешь, а мне даже понравилось, — грустно усмехнулась, поджав губы. — Вот ты и раскрыл свою маньячную натуру. И как я жила с тобой всё это время?

Улыбнулась уже веселее.

— Платье вон мне разорвал...

Встала, накинула на себя какую-то рубашку из стопки, сложенной на полу, подошла к окну.

— Надеюсь, они не мучились, — проговорила после недолгого молчаливого созерцания улицы сквозь не заделанные щели между матрасом и оконной рамой. И Артём почему-то понял, что речь идёт о её родителях. Встал, как был, подошёл сзади и заключил в объятия. Света развернулась в кольцо его рук, обняла в ответ.

— Ну, так что, муж, какое решение ты принял? Мы остаёмся или уходим?

Ответить он не успел — в дверь снова постучали. Появилась мини-процессия: Миха, с виноватой физиономией подталкивающий перед собой невысокую черноволосую девушку, вчерашнюю школьницу, одетую в уже несвежее короткое платьице с открытыми плечами. На ногах красовались старые домашние тапочки, протёртые над большим пальцем правой ноги, явно ей большие. Девушка шла, чуть сгорбавшись, обнимая себя под локти скрещенными руками, уставившись в пол.

— Здравые, — не поднимая головы, еле слышно выговорила гостя.

— Это Таня. А это Артём и его жена Света. Свет, Артём говорит, у тебя найдётся что-нибудь запасное, Танюху приодеть? И, может, на ноги что-то, а то у неё та-а-акие шпильки...

Светка, перевела вопросительный взгляд на мужа.

— Блин, Светик, не успел тебе сказать...

— Понятно, — перебила супруга Света, — так, Танюша, проходи, а вы, мужики, — брысь на кухню и посидите там. Артём, можешь пока чаю нам всем сделать.

— Ну, что думаешь? — понизив голос, спросил Артём, когда за ними закрылась выжившая в катаклизме кухонная дверь.

— А чего тут думать? Это же не вещь. У меня пока поживёт, а там видно будет.

Примерка затянулась, чай пришлось подогреть заново. Наконец, все четверо собрались за восстановленным кухонным столом. Таня красовалась в немного великоватой футболке с диснеевским зайцем на груди. Розовые девчачьи брючки, название которых Артём так и не вспомнил, пришлись почти впору, только снизу понадобилось подвернуть. Пакет со стопкой других даров ждал в прихожей. Пожертвовала Светка и одни кроссовки, тоже слегка свободные.

— Велики не малы, — заявил Артём. — Тебе кроссы в них не бегать.

— Раньше бегала, — погрузилась девушка, — я же лёгкой атлетикой занималась, даже за институт выступала.

— А, — протянул хозяин дома, — то-то, я вижу, ноги тренированные.

— Так, муж, — притворно нахмурилась Светлана, — ты чего это чужие ноги разглядываешь? Миша, чего молчишь?

Мишаня тоже был не в своей тарелке, потому отделался неопределёнными звуками, видимо, должными выразить согласие с хозяйкой.

— Вы только не подумайте, что я какая-то легкомысленная, — внезапно проговорила девушка. — Я, если честно, и в баре-то первый раз была, мою первую зарплату отмечали! Знаете, как я долго ждала эту работу! У нас после выпуска уже все устроились, ну, кто замуж не повыскакивал, конечно. А я сначала ждала этого места, потом три собеседования, проверка СБ, стажировка. И ещё, позавчера со мной, наконец, постоянный контракт подписали! Вот я на радостях и позволила девчонкам из отдела себя уговорить. — Она покраснела и опять спрятала глаза. — А в баре Мишу встретила.

“Ну да, — подумал Артём, — ты и пить, наверно, ещё не умеешь, а тут наш Мишаня. Как он умеет очаровывать, я разок сам видел. Мастер! Только не влюбись в него, девочка, парень он не гнилой, но постоянства я за ним не замечал. Потом страдать не придётся, когда он тебя на другую юбку поменяет”.

Тут за столом раздался вскрик. Ушедший в свои мысли Артём встрепенулся, огляделся. Рыдала Татьяна. Старалась сдерживаться, но получалось плохо.

— Извините, — она попыталась промокнуть слёзы салфеткой, — просто я сейчас подумала, что если бы не уехала с Мишей, то...

И вскрикнула уже громче.

— То сейчас бы уже ни о чём не беспокоилась, — мрачно пошутил Артём. Жена сделала ему страшные глаза, привлекла девчонку, обняла, стала баюкать, как ребёнка.

— Ничего, милая, теперь всё будет хорошо. Миша парень хороший, он тебя не бросит.

Тот часто закивал, подтверждая. Теперь Светка строила гримасы Мишке, пытаясь что-то втолковать ему таким образом. Наконец, он, видимо, понял, забрал девушку от Артёмовой жены в свои объятия, стал негромко наговаривать ей успокаивающие слова. Так и сидели некоторое время под Мишкино воркование, которое изредка перекрывалось характерными звуками, когда Артём прихлёбывал из кружки.

Наконец вскрипывания стихли совсем. Мишка и Таня ушли.

Артём и Света обедали, когда с улицы донёсся звук мотора и характерные металлические нотки усиленного громкоговорителем голоса. На секунду лицо Артёма осветило радостью, захотелось крикнуть: “А вот и спасатели! Я знал, что это просто локальная катастрофа. Наконец-то все закончится!” Но краткий миг счастья развеялся, как только зазвучало обращение:

— Внимание, граждане! К вам обращается военный комендант района, капитан Гаврилов. С этого момента общественный порядок в районе обеспечивают вооружённые силы. Любые антиобщественные деяния будут немедленно пресекаться. Ввиду особого положения, мародёрство, насилие над гражданами, порча общественного имущества караются на месте. Появление на улицах с огнестрельным оружием под запретом. Любые массовые выступления под запретом.

Выступление повторялось, но звук затихал, удаляясь, видимо, мегафон был установлен на чём-то передвижном.

— Это что ещё за новости?! — Артём откинул штормку, выглянул в окно. По проспекту неспешно двигались солдаты. Каски, бронезилеты, автоматы. Хвост колонны, которая постепенно скрылась за соседним домом. — Хм, настоящая жизнь в городе начинается, когда в него входят гусары. Так, кажется, говорилось в одном фильме?

— Военные...

— Что?

— Там было “военные”. Это выражение Козьмы Пруткова.

— Да? Вот не знал! — рассеянно проговорил Артём, садясь на место. — Действительно, пришли военные, и чего от них ждать, я не знаю.

— Наверное, в первую очередь, порядка? Ты же сам рассказывал, что у “Звёздного” творилось.

— Это точно, — продолжая думать о чём-то своём, подтвердил Артём.

С армией у него были сложные отношения. В старших классах он относился к призыву как к неизбежному этапу своей жизни: не плохо и не хорошо, он просто наступит, и всё. Так же неизбежно, как детство сменяется отрочеством, а там и взрослой жизнью, и надо быть слегка ненормальным, чтоб оттягивать или надеяться избежать.

Но потом тяжело заболела мать, и ему дали отсрочку. Он не просил, но, если само идёт в руки, что ж отказываться? Другие искали ходы, лазейки, а тут пришло само. Потом, когда мать умерла и оснований не служить не стало, про него, видимо, забыли в военкомате. Так бывает, а он и не стал проявлять инициативу. А потом он переехал, устроился на работу, да и возраст опять же. Хорошо идти служить, когда тебе восемнадцать, и совсем другое дело — в двадцать пять. “Дедушки”, которые моложе тебя на шесть лет, сверстники — лейтенанты... В итоге с армией Артём разминуслся.

Окружающие к этому факту Артёмовой жизни относились по-разному. Одни восхищались, — мол, красавчик, так и надо, нечего дурацкую лямку тянуть и впустую два года из жизни выбрасывать. Другие смотрели искоса, — мол, откосил, не то, что я, долг Родине отдавший с чистой совестью.

Тыканье “неслужением” откровенно злило. Особенно в один исторический период его жизни, когда работа в охране представлялась отличной альтернативой, а его завернули как раз по этой самой причине. Дело было летом, перспектив с другой работой не проглядывалось. Артём смотрел на собеседовавшего с ним молодого человека, высокомерно заявляющего, что человек, не прошедший службу в армии, просто не может претендовать на работу в их крутой охранной фирме, на его округлившееся брюшко, на одрябшие руки, намечающийся второй подбородок, и был в шаге от предложения тому прогуляться вместе с ним до ближайших брусьев или турника.

И вот теперь Артём сидел и пытался понять, как появление военных может отразиться на его планах.

— Вот что, малыш, ты посмотри ещё раз, что мы могли забыть. А я пока схожу, узнаю, что да как. И ещё, — добавил после небольшой паузы, — пожалуй, одевайся потихоньку в лесное.

— Ты думаешь, что нам лучше уйти?

— Пока не знаю, но я помню, что говорил Влад: в случае глобальной катастрофы не верь воякам в чинах.

— Почему? Разве армия не для того, чтоб защищать мирное население?

— Армия, родная, чтоб защищать государство.

— А мирное население — это не государство?

— Как тебе сказать... Помнишь, я тебе рассказывал, как при кровопотере или сильном переохлаждении организм переключает кровообращение на малый круг? Логика простая: не хватает ресурсов — отключить от снабжения периферию: руки, ноги, и спасти мозг.

Посмотрел на жену, коснулся пальцами её щеки, легонько тронул указательным кончик её носа, печально улыбнулся.

— А мы с тобой не тянем на мозг нации. Я простой складской работяга, а с тобой всё ещё хуже — учитель музыки!

— Но ты же выживальщик! Ты умеешь выжить в лесу, а значит, и других сможешь этому научить!

— Знаешь, я и раньше сомневался, что толпе обывателей типа того же Санька будут интересны рассказы, как ориентироваться в лесу или как устроиться на ночлег там же при отсутствии снаряжения. — Артём поморщился. — Ну, а теперь военные. Разве им нужны познания гражданского специалиста? У них, наверно, и своих хватает.

А ведь Влад говаривал ещё и такое: “Это психология военных, их так учат: гражданские — субстрат, из которого надо черпать ресурсы для армии.

Те, кто бесполезен, — лишние рты, и чем больше их погибнет при первом ударе, тем легче будет спасти ценные для мобилизации кадры. С моей точки зрения, это правильно. Будь моя воля, для всех этих диджеев, блогеров, псевдохудожников и прочей сволочи сделал бы отдельное бомбоубежище типа *vip*, и всё такое, из которого бы никто не выбрался. Совершенно случайно”.

Мишу дома не застал. Татьяна сказала, что он ушёл куда-то почти час назад и ещё не возвращался. Пришлось идти одному. На район потихоньку опускались сумерки. Улицы, по-прежнему заваленные всяким мусором, пустынные. Дома, как взерошенные приземистые крепыши, подозрительно осматривались глазами окон, готовясь встречать уже вторую ночь новой жизни. Вдоль боковой стенки “Звёздного” прогуливался солдат с автоматом. На крыльце — двоянный пост. Один из часовых проводил его долгим, внимательным взглядом, затаился сигаретой, спрятанной в кулаке, и опять продолжил свой мерный ход неторопливого маятника.

Площадь перед школой преобразилась. В центре стояли БТР и армейский тентованный “Урал”. Понятно теперь, чьи следы были на проспекте, отчётливо заметные на поваленных столбах. На крыльце школы скучал ещё один постовой. На крыше двое солдат монтировали прожектор, ещё несколько ставили мачту освещения возле техники.

Перед БТРом, вокруг низкого раскладного столика собралась группа военных. Один, видимо, главный, отмечал что-то на расстеленной карте карандашом и негромко отдавал распоряжения. Окружавшие уточняли, иногда, по-видимому, предлагали свои варианты. Главный, не перебивая, выслушивал и либо кивал: “Хорошо, сделаем так”, — либо оставлял своё решение, показывая недостатки в предлагаемом плане. От их неторопливой работы распространялась волна спокойствия и уверенности — чувств, казалось, уже позабытых, хотя не прошло и двух суток. А как будто вечность прошла!

Кроме военных, на площади находились и другие люди. Недостаточно, чтоб назвать толпой. Они кучковались по всему свободному пространству, оставив пустые ореолы вокруг техники и школьного крыльца. В подавляющем большинстве — мужчины всех возрастов, объединяло их одно — одежда. Даже не сама одежда, а её цвет — доминировали олива и хаки.

Необычный вид. Артём, конечно, и сам большую часть времени был одет в оливу, но это сам. А сам себя, как правило, не видишь. А тут как будто попал на слёт выживальщиков, туристов или военизированных формирований.

— Здорóво!

Артём обернулся. Ему протягивал руку какой-то мужик; куртка, брюки — всё та же олива, на ногах — мощные трекинги. Рефлекторно ответил на крепкое рукопожатие, только потом узнав в подошедшем возрастного крепыша. На этот раз он был без очков.

— Что слышно в Датском королевстве?

— Что? А-а... Да я только подошёл.

— Понятно... — тот огляделся, направился к одним, к другим. Везде здоровался, негромко перебрасываясь парой фраз. Минут через десять вернулся к Артёму.

— Говорят, что комендант — вон он, в центре, — обещал через полчасика объявление сделать. Пока ничего не ясно.

Тут они заметили давешнего “военного”, с которым были на дневном собрании, а потом наблюдали штурм “Звёздного”. Тот уверенно подошёл к группе вокруг столика, достал из нагрудного кармана какое-то удостоверение, представился. Главный выслушал, что-то ответил, подкинув руку к козырьку кепки. “Военный” козырнул в ответ, протянул руку для рукопожатия. Ему представили окружающих, процедура повторилась.

— Хм, а у нашего землячка не меньше двух просветов на погонах, — протянул крепыш.

В своей полевой офицерской форме их “земляк” мало отличался от остальных военнослужащих.

— Почему вы так решили?

— Он старше по званию. Но на генерала не тянет.

— Если он старше, почему они не построились?

— С чего это? Он не их начальство. Здесь или в отпуске, или вообще — свеженький пенсионер, по возрасту похоже. А то, что старше, — крепыш хмыкнул, — ты в армии служил? Младшие первыми руку не протягивают.

— Понятно, не знал. Пойду, поговорю, чай, не чужие, может, узнаю что?

Артём неторопливым шагом направился к “земляку”.

— Артём.

— Сергей Станиславович.

Обменялись рукопожатием. Артём задал самый важный вопрос.

— Вот что, Артём, всего я тебе сказать не могу, но про прежнюю жизнь забудь, нет больше той жизни. Умение продавать страховки, стричь пуделей и трясти задом на сцене вряд ли теперь пригодятся. Многим придётся расстаться со своим положением, и им это не понравится. Кроме того, на что способна толпа — ты уже видел. И если кто-то не возьмёт на себя работу пастухов над этим стадом, люди сами себя изведут под корень.

Неслышно появился капитан.

— Товарищ полковник, задачи поставил, планирую к населению обратиться. Есть желание поучаствовать?

— Василь Геннадич, здесь ты старший, ты и распоряжайся.

Капитан кивнул на Артёма.

— Знакомый? В каком звании?

— Да я, честно говоря, в армии не служил, но нужные навыки имею...

Артём хотел было перечислить имеющиеся, но на словах “в армии не служил” капитан явно потерял к нему интерес и дальше не слушал.

Капитан, полковник и весь штаб переместились на крыльцо школы. Туда же потянулись и разбросанные по площади гражданские.

— Так, граждане, — не форсируя голоса, начал капитан, — все заявления, распоряжения завтра. Сейчас коротко введу в курс дела и отвечу на наиболее срочные вопросы.

Из-за того, что говорил он негромко, над площадью повисла мёртвая тишина, собравшиеся боялись пропустить хоть слово.

— Для начала представлюсь. Меня зовут Гаврилов Василий Геннадиевич, назначен к вам в район военным комендантом. Достоверной информации, что произошло, на данную минуту нет. Дело не в секретности, а в том, что сведения поступают очень противоречивые. Вам важно знать: по городу и ряду других, рядом расположенных промышленных центров нанесены ядерные удары.

— Пиндосы? — выкрикнул какой-то парень в камуфляже, по толпе прошёл ропот.

Капитан поднял руку, дождался тишины.

— Прошу не перебивать, я доведу всю информацию, которая необходима. Сейчас для вас важнее не кто, а что делать дальше. Я продолжу. Вашему району повезло, удар пришёлся по воинской части, а она на другом конце города. К тому же ветер был западный, все продукты распада отнесло в другую сторону. Сейчас радиационный фон в районе немного повышен, но это в пределах допустимого. Всем жителям нужно сделать влажную уборку в квартирах и на общественных территориях. Окна закрыть хотя бы плёнкой.

— Эвакуация будет? — опять не выдержал кто-то.

Капитан поморщился. К нему на верхнюю ступеньку поднялся полковник.

— Мужики, я понимаю ваше любопытство, но давайте уважать труд военных. Капитан Гаврилов и его люди второй день на ногах. Если будут ещё глупые вопросы, он просто закончит. Я же вижу, здесь собрались нормальные, здоровые парни, те, кому не всё равно. Только поэтому комендант района тратит своё время вместо того, чтоб хоть полчаса отдохнуть.

— На вопрос об эвакуации отвечу. Во-первых, повторно, радиационный фон в районе приемлемый, жить можно. Во-вторых, куда прикажете вас эвакуировать? Все крупные города поблизости разделили ту же участь. В деревни? Где вы там жить собираетесь и что есть?

В это время из задних рядов раздались громкие возгласы и требования пропустить. Артём попытался разглядеть, что происходит, но с его места было плохо видно. Наконец, в открытое пространство перед крыльцом вывалились представители самопровозглашённой власти. Впереди продирался Расулов. Он также переоделся в полевую форму и был мало отличим от собравшихся. За ним, как ледокол, раздвигал толпу толстяк в спортивном. Рядом вышагивала Антипова в неизменном брючном костюме. Сопровождали “власть” всё те же дружинники, здорово разбавленные бывшими чоповцами. На плечах у многих покачивались помповики.

— Добрый вечер, — начала бывшая депутатша. — Наконец-то мы нашли тех, кто ответственен за творящийся в районе беспредел.

— Капитан Гаврилов, военный комендант района “Заречный”. С кем имею ...?

— Моя фамилия Антипова, — холодно отрекомендовалась “брючная коза”. — Мы выбранный комитет самоуправления района. Почему ваши люди мешают нам проводить инвентаризацию наличных ресурсов?! Сейчас представителей назначенной комиссии не пустили в центральный аптечный склад! Дело чуть до стрельбы не дошло! Я еле уговорила ребят, иначе они просто пристрелили бы ваших гоблинов. И почему убрали нашу охрану от торгового центра?!

— У моих людей приказ. Все склады продовольствия, инструментов, а тем более — медикаментов я взял под охрану.

— Вас прислали нам в помощь. И вы обязаны подчиняться распоряжениям местной власти!

— Я получил приказ обеспечить порядок и не допустить разграбления жизненно важных ресурсов. В первую очередь, вот такими вот “комиссионерами”.

— Да как ты разговариваешь! — Расулов лапнул кобуру, но тут же получил в лицо удар прикладом. Миг, и комитетчики оказались под прицелом нескольких автоматов. Пространство вокруг них, как по волшебству, очистилось, никто не хотел попасть под пулю.

— Этих арестовать, охрану разоружить. — Гаврилов даже бровью не повёл. — Никитенко!

— Я! — отозвался сержант, по возрасту явно из контрактников.

— Найди место, где этих можно до утра подержать. Завтра разберёмся, кто есть кто.

— Сделаем, — протянул “контрабас” и совсем другим тоном обратился к уже бывшему “комитету самоуправления”: — Оружие на землю, руки за голову, по одному проходим вон туда.

— Что вы себе позволяете! — начала было Антипова, но её перебил полковник.

— Мадам, не усугубляйте. Бойцы устали и на грани, просто не показывают вида. При офицерах вас бить, скорей всего, не будут. Но если завтра коменданту доложат, что вы пытались бежать и были застрелены часовым, я не удивлюсь.

Вот тут “комитетчиков”, судя по изменившимся лицам, кажется, проняло. Минут через пять их всех куда-то увели.

— Значит, так, — Гаврилов опять обратился к собравшимся, — сейчас брифинг заканчиваем. Утром на этом же месте в одиннадцать для гражданского населения района я доведу основные положения того, как будем жить дальше. Военнослужащим запаса предлагаю прийти к семи ноль-ноль. Для поддержания порядка требуется личный состав, а со мной людей немного. Никого насильно мобилизовывать не хочу, мне нужны те, кто добровольно захочет вернуться на службу.

— Товарищ капитан, разрешите обратиться, — из толпы вышел крепкий парень лет двадцати пяти в вудландовском камуфляже.

— Обращайтесь, — кивнул Гаврилов

— Сержант запаса Сеидов, морская пехота. Я готов сейчас остаться и помочь с патрулированием.

— Спасибо, сержант, но этой ночью мы сами справимся. Вас надо проинструктировать, понять, что вы успели забыть. Приходите завтра. Парни вроде вас нам нужны. И обещаю: те, кто вернётся в армию, — не пожалеет.

— Так, может, мы, так сказать, на добровольных началах ночью подежури́м?

— А вот этого, сержант, не надо. Комендантский час объявить не успели, но я всё равно не рекомендую этой ночью на улице появляться. Вы меня понимаете? — Он многозначительно взглянул в глаза парню.

— Так точно, товарищ капитан, значит, до утра.

В сгущающихся сумерках Артём подошёл к подъезду, тихо матеря себя за то, что ушёл из дома без фонарика. Ещё минут сорок, может, час, и наступит настоящая темнота. Без уличного освещения ноги поломать — проще простого.

На двери висела листовка. Они что, запустили печатный станок из местного краеведческого? Оперативно! Текст гласил:

“Граждане района Заречный!

Для обеспечения вашей безопасности в районе устанавливается военное положение. Порядок обеспечивают военные патрули. Для пресечения противоправных действий у них приказ стрелять на поражение. Ради вашей безопасности появляться на улицах после наступления темноты не рекомендуется. Всё огнестрельное оружие подлежит сдаче.

Завтра в 11:00 на центральной площади района, между торговым центром и школой, будет проведено собрание жителей. Комендант района сделает важное объявление. Мужчинам от 16 до 50 лет явиться в крепкой одежде и обуви. С документами”.

В этот момент откуда-то со стороны первого подъезда донеслось:

— Из-за острова-а-а на стре-е-еже-ень...

Ну вот, и следы алкогольных запасов “Звёздного” обнаружились. Тяжело вздохнув, взялся за ручку двери.

— Что говорят?

— Ничего хорошего, Светик. Твой муж не офицер и даже срочную не служил. Значит, буду завтра за еду радиоактивные завалы разгребать. Ты собралась?

— Всё так плохо? — Светка как раз шнуровала новенькие берцы.

“Блин, она же в них всего пару раз вышла, — запоздало спохватился Артём, — да и что это были за походики? В ближайший лес, одним днём. Ну, почему у нас всегда так: на охоту ехать — собак кормить?.. Вроде всё предусмотрено, ан нет же!”

— Может, излишне нагнетаю, но для людей, которые сейчас власть, я не представляю ценности, поскольку в армии не служил. И вот теперь скажи мне, жена моя, зачем нам горбатиться за пайку, если у нас с тобой в тридцати километрах целый склад продовольствия? Скоро дожди, затем зима. Чем отапливать квартиру, мебелью? Нет, надо уходить сейчас, пока ещё из района можно выйти. Что будет завтра — я не знаю.

Супруга выпрямилась, одёрнула такую же, как у него, горку.

— Тогда идём.

Артём по инерции стал приводить ещё какие-то аргументы в пользу того, чтоб уйти, но Света посмотрела на него серьёзно:

— Артём, меня не надо уговаривать. Я твоя жена, слова “в горе и радости, до самой смерти” — для меня не пустой звук. Ты решил — значит, идём. Я верю, мой муж в сырую землянку меня не потащит.

Артёма, как девятым валом, накрыло волной чувств, горло перехватило, он задохнулся, как будто и вправду оказался под водой, пульс ударил в виски.

Собрались быстро, всё и так было уже готово. Взгляд упал на две оставшиеся пятилитровые баклажки с водой. Прикинул: одну можно пристроить на рюкзак. Хоть он и распахал двенадцать литрух по обоим рюкзакам, вода лишней сейчас не будет. Особенно пока не вышли из зоны возможного заражения. Но навьючивать жену дополнительными пятью килограммами Артём не хотел — ей и так несладко будет. Взял баклажку, в пакет сложил

пластиковые бутылки с бензином, слитым с машины, туда же сунул много-топливную горелку.

— Подожди секунду, — кинул жене и спустился на этаж ниже.

Открыл Мишаня, увидел Артёма, посторонился.

— Заходи.

— Прости, Мих, я на минутку. Я... Мы... Короче, мы уходим.

— Вот как? Ну что ж, наверно, ты знаешь, что делаешь.

— Здесь вода питьевая, в пакете горелка, бензин...

— Спасибо, Артём. Только у нас всё есть. Отдай лучше Саньку. У него всё-таки ребёнок.

— Слушай, — подавшись внезапному порыву, зачастил Артём, — а то давай с нами? У меня есть бункер, там запасов на год. Планировали ещё с одной парой, но им не повезло, жили в центре, как раз вы двое.

— Ещё раз спасибо, я, честное слово, признателен. Но мы остаёмся. — Увидел удивлённые глаза приятеля, пояснил: — А что поменялось, Артём? Изменились условия, но жизнь-то продолжается.

Из глубины квартиры появилась Татьяна. Миха привлёк её к себе, обнял за талию.

— А-а-а, ты видел объяву? Ну да, ты же служил, тем более — пограничник!

— Ты про этого кэпа? — Миха насмешливо покачал головой. — Не, кирзой я сыт по горло, двух лет хватило. Да и не думаю, что бойцов потребуется много, не война же, в конце концов. Думаю, через недельку половину тех, кто завтра побежит записываться в армию, уже дембельнут. Я лучше сразу по гражданской линии.

— И чем заниматься?

— Неважно. Думаешь, я работы боюсь? Ты, наверно, меня с “офисным планктоном” спутал. Это у них работа от перекура до обеда штаны протирать. Знаешь, почему я домой частенько затемно возвращался?

— Вот мне дело, следить, кто когда домой с работы приходит!

— Ну, извини, привык, что все окружающие думают: раз на работу в костюме ходит, значит — бездельник. А у меня десять-двенадцать магазинов в день, и в половине приходилось пиджачок и галстук снимать, рукава закатывать — и вперёд, выкладку лопатить. Закончишь часов в полвосьмого где-нибудь в дальнем магазине, а ещё километров семьдесят до дома.

— Ни фига себе, — Артём потрясённо покачал головой, — а я думал, это у меня работа тяжёлая!

— У нас так. Хочешь денег — пашешь, как вол, хочешь в восемнадцать ноль-ноль с работы выходить — иди менеджером в офис, только на з/п не обижайся. — Помолчал, добавил: — А я, между прочим, физик-ядерщик, диплом красный, и дипломная работа рекомендована к публикации. Вот так вот. Женится по великой любви. На сокурнице, только я для неё лузером оказался. Теперь кто-то другой её по Средиземноморью катает и шубы дарит. Хотя от алиментов не отказывается, — вымученно пояснил он, — дочка у нас, хоть я её уже лет пять не видел. Наверно, это правильно, пусть у неё не будет пуганицы в папах.

Артём потрясённо молчал. За пять минут он у знал о Михе больше, чем за предыдущий год знакомства.

— Ладно, Тёма, хватит ностальгировать, разговоры разговаривать будем потом, когда встретимся. Спасибо за предложение, вы со Светкой идите, а мы здесь не пропадём, — посмотрел на Татьяну, та в ответ улыбнулась. — За хатой присмотрю, не бойся, если что — куда вернуться, у тебя есть. Надумаешь — возвращайся, друзья у тебя здесь найдутся.

Он протянул руку, потом обнял. И закрыл за собой дверь.

Поднялся на свою площадку, постучал. За дверью раздалось шарканье, потом хриплый голос, в котором трудно было узнать прежнего Александра: “Кто?”

— Саня, это Артём, открой.

Шарканье перед самой дверью.

— Зачем?

Блин, грабить тебя пришёл, нищеврода!

— Открой, я тебе ещё воды отдам. Ты же из торговика так и не принёс?

Дверь тут же открылась.

— И ещё держи, — протянул пакет, — здесь бензин и горелка. Будешь расходовать экономно, хватит надолго.

Сосед захохотал, захопота, принимая подарки, рассыпался в благодарностях. Глазки его подозрительно блестели, докатился лёгкий запах алкоголя.

— Как тёща, нашлась?

Тот печально помотал головой.

— Ладно... — протянул руку, — бывай, Саня.

— В смысле, “бывай”? Вы что, уходите? А как же объявление?

— Ты про то, что на двери?

— Ну да. А ещё мужики говорили, что будут набирать в народную дружину. Там и паёк, и льготы...

— Саша, ты в армии служил?

— Конечно! — Сосед даже попытался горделиво выпятить грудь. — Младший сержант, инженерные войска. Артём, такие мужики, как мы, нужны этому району! — О, как заговорил! — Ты пойми, если не мы, это быдло скатится в бардак и поубивает друг друга!

— Не, Сань. К тому же я не служил. Так что мне при этой власти ничего не светит.

Попрощался и пошёл к себе. В квартире осмотрелся. Вот здесь он прожил четыре года, и два — вместе со Светкой. Увидит ли ещё раз ставшие родными стены? Впрочем, это лирика, главное — не забыть чего-нибудь.

Взгляд наткнулся на валяющиеся банки со спортпитом. Вот ведь болван! Это же концентрированная еда, только белки, углеводы и витамины. Жаль, полупустые банки пристроить уже некуда. Пересыпал содержимое по фасовочным пакетам, запихнул в один из боковых карманов и так раздутого рюкзака.

Последний взгляд, вроде все. Помог надеть рюкзак Светке, подогнал лямки, расправил складочки. Осмотрел.

— Ах, ты ж мой маленький походник! — поправил кепку, убрал выбивающийся локон.

Прицепил ружейный чехол на рюкзак, под правую руку, взвалил на плечи — как же тяжело! Обычно он так не навьючивался. Попробовал попрыгать. Ух! Пока лучше так не делать!

— Пошли?

Светка сосредоточенно кивнула. Распахнул дверь...

— Куда это ты собрался? — На площадке, выпятив вперёд брюхо, уперев ручки в бока, покачиваясь, стоял сосед сверху. Полосатая майка и бланш под глазом.

— Не дури, дай пройти.

— Вы куда не пойдёте! Сейчас каждый здоровый мужчина на счету и должен помогать родному району!

— Я думаю, без меня вы здесь справитесь. Вам же лучше, на пару едоков будет меньше.

— Ты поступаешь, как предатель! — наверно, только пересохший рот помешал ему сплунуть. — Хорошо. Иди. Только... Снарягу оставляй! Это собственность общины!

“Сайга” молча прыгнула в руки. Треск разлепляемой липучки на чехле прозвучал, как выстрел.

— Дай пройти.

На улице за это время ощутимо стемнело, район неотвратимо погружался во тьму. Дома мрачными коробками тонули в потемневшем небе. Кое-где за мутью эрзац-остекления пробивался дрожащий свет. Свечи или светильники. Хотя вон там явно фонарик. И вон окно, освещено ярче других. Не боятся! Сейчас на свет могут слететься не только насекомые.

— Держись за меня, иди след в след и не шуми.

Поднимая ноги повыше, чтоб не споткнуться, направился к проспекту. Когда вышли из-за дома, Светка невольно вздрогнула. Но молодец — никакого крика, вдоха. Хотя было от чего — небо над остальным городом багровело отсветами продолжающегося пожара. В голове крутились штампы про филиал ада.

Путь намечен заранее, он и раньше так ходил: через проспект, задворками “Звёздного” — за ним шла окружная дорога, опоясывающая район. Неширокая, по ряду в обе стороны. А за дорогой — пара сотен метров через хаос гаражей-самостроев. Раньше, да ещё днём, проход сквозь них не представлял проблем. А сейчас там можно запросто нарваться. Для многих жителей гаражи — не только дом автомобиля. Артём свою держал под окнами и отлично обходился без гаража. Гараж — это “мужской клуб”, где рукастые и не только мужички проводили время. Ещё это хранилище всего на свете. И в такое беспокойное время иные хомяки могут предпочесть обосноваться поближе к своим запасам. А иные — как раз до этих запасов добраться.

Но в обход — это тащиться с поклажей через полрайона. Поживиться не откажутся как простые граждане, так и представители новонаречённой власти, за кем бы она сейчас ни была. Реквизируют, руководствуясь “общим благом”. Так что придётся рискнуть.

Идти старались, не отвечивая. В буквальном смысле — хоть налобники и занимают свои места согласно названию, но выключены до поры. В руке — тактический фонарик, на две тысячи люменов. В темноте это фактически не легальное оружие. В турборежиме — короткая вспышка в глаза, и ожог сетчатки обеспечен. Впрочем, даже если не попадёшь лучом в лицо противнику, всё равно все, кто не прикрыл веки, минут на двадцать будут слепыми котятками. А двадцать минут — это очень много для того, кто умеет ценить время.

Полная темнота ещё не наступила, шли сквозь густой сумрак. “Звёздный” обходили по краю обширной автостоянки, сейчас пустой. В какой-то момент Артём заметил движение на стороне темнеющей громады торгового центра. Остановились. Точно, вдоль здания неспешно двигался часовой, останавливался, вглядываясь в окружающий сумрак. Интересно, решат они проблему освещения? В дальнейшем, наверняка. Это сейчас народ ещё не перестроился с обычной жизни, в сознании ещё живут установки обыденной жизни. Вот пройдёт неделя, может, месяц, поймут, что голод — это не эфемерная угроза, про которую разве по телевизору расскажут, или в исторической книжке. Что в магазин не метнёшься при опустевшем холодильнике. И что от него реально можно умереть. Вот тогда начнут пробовать на прочность охрану промскладов, ибо терять, по сути, уже нечего.

Подошли к окружной дороге. Через неё — ворота гаражей. Блин, не успели или время не рассчитал — темнота уже сгустилась. Вообще-то по-хорошему подождать бы и выйти перед самым рассветом. Патрули, если и будут, уже утомятся. Да и в лес входить лучше, когда светать начнёт. В темноте да с тяжеленным рюкзаком переломать ноги в буреломе — легче лёгкого. Ну, а со сломанной ногой в лесу не до путешествий, тут бы выжить. Но изнутри прямо жгло, внутренний голос вопил: утром будет поздно! Впрочем, соседка небось успел наябедничать. Так что Артём уже хлопнул дверью, назад дороги нет.

Постоял, вслушиваясь. Со стороны района изредка долетали крики. Иногда — отрывки песен. Кто-то, видимо, напоследок гулял. Где-то в отдалении хлопнул выстрел. Автомат? Или охотничье? Далеко, не разобрать. А вот со стороны гаражей — тишина. Вытащил из чехла ружьё, фонарик занял штатное место под стволом. Надо решаться. Перешли дорогу, ворота прикрыты, но не на замке. С взведёнными нервами, стараясь не шуметь, просочился и сразу ветал в нерешительности. Светка сзади, держится за его рюкзак, чтоб не потеряться.

Темно, хоть глаз выколи. Идти наощупь? Хорошего мало. Включать свет? Ох, как не хочется! Неизвестно, к какому решению он рано или поздно пришёл бы, но тут “дали свет” — из-за тучек наконец-то выглянула

луна. Да так ярко! И Артём непроизвольно вздрогнул. Рядом рукой зажимала себе рот Светка. Сразу за воротами, буквально в паре метров от них лежала куча трупов. Кто-то скажет: ну, что это за куча! Так, человек пятнадцать, ну, двадцать. На фильм ужасов не тянет. Да только куча эта не на картинке, не на экране. Вот она. Вернее, они — ещё недавно, этим утром, живые люди. С кем-то, возможно, Артём мог видиться, даже разговаривать. И вот он здесь стоит, а они лежат. Впалку. Их даже не удосужились подалеже оттащить.

Что-то смутно знакомое царапнуло сознание, пригляделся. Да, точно, молодой чоповец, убитый утром на ступеньках “Звёздного”. Лежит в самом низу, по пояс высываясь из-под какой-то тётки. Понятно, надо же было куда-то девать не переживших налёт. Кого подавили в темноте, кто сорвался с лестницы. Кому-то наверняка прилетел на голову здоровенный ящик с верхней полки. Ну, а кого-то убили его же земляки, просто потому что у этих, других, дома дети голодные. Скорее всего, Санькина теща где-нибудь здесь же и найдётся. Впрочем, вряд ли это единственная куча.

Оторопь немного отпустила. Артём тронул жену за плечо, молча мотнул головой в глубину гаражных рядов. Света часто-часто закивала, не отрывая ладошку от рта. Стараясь не задеть чью-нибудь руку или ногу, пошли дальше. И чуть было не наступили ещё на один труп, который лежал немного дальше. Родионич. Вот ты где! Как же тебя угораздило, неугомонный ты наш правдоискатель? Неужели, поддавшись общему настрою, решил пожить в темноте торгового центра? Хотя, скорее всего, не пришёлся ты ко двору самоизбранному “комитету”. Жалко деда. Пусть и бестолковый, с дурной инициативой, но без гнили внутри.

— Прости, Родионич...

Лес

При свете луны гаражи прошли неожиданно быстро и без дополнительных приключений. Вот и лес. Как бы ни не хотелось, включил налобник на минимальное свечение.

— Очки.

— Зачем? — удивилась Света. — И так ничего не видно, а в очках — так вообще, хоть глаз выколи.

— Вот именно, “глаз выколи”. Где они у тебя?

Светка вытащила из нагрудного кармана тактические очки.

— Надевай. Не так уж они и мешают, зато глазом на сук не наткнёшься. И близко ко мне не прижимайся, иначе будешь ловить те ветки, которые я отгибаю.

Вломился. Сзади чертыхалась жена.

— Потерпи, родная, на опушках всегда так: света поступает больше, и подлесок разрастается. Сейчас заглубимся, пойдёт полегче.

Через полчаса остановился, расстегнул грудную стяжку рюкзака.

— Достаточно.

— А я думала, мы всю ночь идти будем.

— Ночью по лесу ходить нельзя, слишком травмоопасно. Нам просто нужно было отойти подалеже. Сейчас немного посним, как раз светать начнёт. Тогда и двинем.

Три часа сна пролетели, как одно мигание: веки смежились и тут же поднялись. Через ткань наспех поставленной палатки пробивался робкий свет. В ухо сопела Светка, отдавливая правое плечо. Рука, обнимавшая жену, слегка затекла. Пальцами левой пощекотал ей нос. Светка скорчила смешную мордочку.

— Любимая, просыпайся, — прошептал ей в самое ухо.

— Сейчас-сейчас, ещё одну только минуточку, — забормотала, переворачиваясь на другой бок, пытаюсь завернуться в Артёма, как в одеяло. — Представляешь, мне такой страшный сон приснился, будто всё, к чему вы

с ребятами готовитесь, сбилось. — Голос затихал, она опять проваливалась в сон. — Глупость какая.

Внезапно к горлу подкатили слёзы. Остро захотелось, чтобы всё действительно оказалось сном. Вот сейчас Влад бесцеремонно откинёт полог и проорёт своё дежурное: “Рота, подъём!” И откуда-то из-за пределов микромира палатки докатится голос Веры: “Вставайте, лежебоки, или голодными на переход отправитесь”. Зачухает помпа горелки, накачивая давление, а Муха затаяет своё извечное, что для супервизуальщиков бензин, как, впрочем, и газ...

— Вставай, малышка, нам надо идти.

Собрались быстро: Артём не стал разбивать полноценный лагерь, ограничившись кинутыми в палатку пенками.

— Замерзла? — взял её ладошки в свои. — Извини, следующую ночь спим по-нормальному: в спальниках, надую коврики. Ну, а в убежище нас ждут нормальные кровати. Мы с Владом пару спален оборудовали, как раз на две семьи. А сейчас давай отойдём от города подальше, тогда и на завтрак остановимся.

— Ты боишься тех, кто остался?

— Скорее опасаясь. Только не спрашивай, сам не знаю, чего. Просто чувствую, что с этими военными мне не по пути. Почему-то мне кажется, что просто так они бы меня не отпустили.

Все планы пошли прахом. Ехать они должны были на Владовом внедорожнике. Дизель, огромные колеса, лебёдка, экранированная проводка. В общем — мечта выживальщика. Машина, подготовленная преодолевать завалы, бездорожье, загазованную местность. Даже выстрел из дробовика способна выдержать. Вот только ударную волну или рухнувший сверху дом она явно не пережила. И даже если пережила — вряд ли уцелела в огненном аду, который бушевал в городе до сих пор.

— Слу-у-ушай, — супруга сменила тему, — а зачем ты на компас постоянно смотришь? Я считала, почти каждый десятый шаг.

— Правда? Уже и не замечаю, видимо, привычка. — Усмехнулся: — Видишь ли, человек не птица, встроенного компаса нет. И ориентиров в лесу нет. Как думаешь, быстро начнёшь сбиваться с направления?

— Ну-у-у... — протянула, — не знаю. Но не каждые же десять шагов? Ты не думай, я с дедушкой все детство за грибами ходила. А он, между прочим, никогда ни с какими компасами не ходил. И навигаторов тогда не было.

Подмигнул, раззадоривая:

— Хочешь, попробуем? Направление вон туда, — показал рукой. — Давай, иди впереди.

На десятом шаге остановил.

— Ну, и куда нам?

Светка уверенно махнула.

— Не-а, — улыбаясь помотал головой, поднёс к её глазам левую руку, где на большом пальце на ремешке устроилась прозрачная таблетка с плавающей двухцветной стрелкой. — Смотри.

— Э-э-э... А у тебя компас не врёт? Не могла же я так быстро сбиться.

— Компас не врёт, — потрепал её по плечу, щёлкнул по козырьку кепки, затем провёл тыльной стороной ладони по щеке. — Ты, когда вон те кусты обходила, уже сбилась градусов на тридцать. Без компаса в лесу делать нечего.

— А, ну да, тем более без навигатора...

Навигатор, и вправду, не работал. Нет, он, конечно, включался, показывал карту, позволял играть с меню. Вот только положение не определял, поскольку не видел ни одного спутника. А без этого он просто хранилище карт. К тому же жрущий акумы. Так что навиг отправился в дальний карман рюкзака, а Артёму пришлось вытаскивать распечатанные топографические карты. И, конечно же, ломая голову, вспоминать, как обходиться без умной электроники.

Городок

Внутри что-то рухнуло, раздался звон бьющегося стекла и следом — крик.

Пока альтер эго бубнило своё извечное: “Ну что, там без тебя не обойдется?” — ноги сами внесли внутрь. Картинка, в общем-то, ожидаемая. В этом здании Артём был несколько раз: высокий, обрамлённый лестницами зал, типичный провинциальный торговый комплекс, сдающий свои помещения кучке магазинов. На втором этаже витрина, обезображенная проломом. Остатки стекла разбросаны по плитке пола. Поверх осколков валяется мужик средних лет, явно в отключке. В паре шагов от него стоит парень, пытаясь зажать предплечье, из которого подозрительно много льёт. Людей внутри мало. Кто-то озирается по сторонам, кто-то ведёт себя так, будто ничего не случилось: ну, подумаешь, какой-то мужик вывалился сквозь стекло со второго этажа! Десяток человек суетятся, создавая ненужный хаос.

Скинул рюкзак у колонны, кивнул жене:

— Стой здесь и присмотри. Если что — зови меня. Громко. Поняла? Хорошо.

Пока взгляд обшаривал пространство вокруг пострадавших, и главное — над ними — не свалилось бы что-нибудь на голову! — рука автоматом нащупала в набедренном кармане перчатки. После первых же курсов первой помощи купил большую упаковку и распахнул по всем карманам. Когда собирался, так и не выложил — места не занимают. И ведь не думал, что пригодятся!

Задержал взгляд на витрине. Опасных зубьев, только и ждущих, чтоб сброситься на голову, не видно, витрину вынесло почти полностью. Вдохнул, причин не идти не наблюдается. Ну что ж, вперёд! На ходу натягивая тонкий нитрил, пошёл, раздвигая народ плечами.

— Пропустите.

Люди недовольно оборачивались, но увидев здорового парня в синих медицинских перчатках, тут же менялись в лице и поспешно расступались.

— Показывай, что у тебя?

Парень, по виду ровесник, поднял растерянный взгляд и, не меняясь в лице, перевёл его на правое предплечье. Туда, где чуть ниже локтя он прижимал левую ладонь. Из-под ладони продолжал бодро бежать алый ручеёк.

“Твою ж мать! — заголосил внутренний умник. — Это даже не резаные вены. Явно достало до артерии, само не остановится!”

Взглянул в испуганные глаза. Ты ещё жив, но, судя по реакции окружающих, — уже покойник: пока эти бараны будут крутить башками, бекать: “Что случилось?” — и “Какой кошмар!” — кровь у тебя кончится. Вместе с жизнью. Эмоции растаяли с последними сожалениями о ненужном героизме.

— Понятно. Ложись пока... Да не в лужу, потом одежду задолбаешься отстирывать от крови. Рану не отпускай!

Бросил взгляд по сторонам.

— Так, вы и вы, — прямая рука с синим наконечником ладони вытянулась в направлении двух мужиков, выглядящих адекватнее других, — подойдите, пожалуйста, нужна ваша помощь.

Дождался ответных кивков.

— Так, вы... как зовут?

— Фёдор Николаевич.

— Фёдор, встань у меня сзади, посмотри, чтоб нам никто не мешал. Ладь?

— Так, а вас?

— Карим.

— Хорошо, — запоздало сообразил, что просить второго вызвать “скорую” бессмысленно, просто сработали наработанные алгоритмы. — Пока подождите.

— Ложись на правый бок... стой! — похлопал себя по карманам, вытащил маленький цилиндрок фонарика из EDC-набора, пристроил его подмышку

пострадавшей руки, чуть поправил, чтоб передавить артерию, — переваливайся. Вот, голову сюда.

Сидя на корточках, поправил пострадавшему голову, согнул левую ногу. “Ты смотри, почти идеальное устойчивое боковое! Видно, научился чему-то, аж гордость берёт!” — жужжало на заднем фоне “второе я”. Так, течь прекратилась, значит, артерия пережата. Облегченно выдохнул, пара минут есть.

— Фёдор, посмотри за ним, хорошо? — Взгляд у того осмысленный, это радует. — Никого не подпускать, всех помощников — в шею. Или мы его потеряем. Отключится — крикнешь мне, я пока второго гляну.

Вокруг второго уже сгрудилось несколько человек.

— Ну-ка, пропустите! Да разойдитесь же! Стоять, блин! — Кровь бросилась в лицо, крик вспугнутой птицей метнулся внутри зала.

Двое парней пытались за плечи и за ноги поднять лежащего.

— Руки в стороны! Отошли! — Приходилось уже орать, форсируя голосовые связки

— Да мы на воздух хотели... — забурчал один.

— А ты кто такой будешь? — попытался наехать второй.

“Ну, конечно! Вот и неравнодушная общественность!”

— Это тебе потом объяснят, — спокойно, глядя прямо в глаза “наезжальщику”, — а ты, в свою очередь, объяснишь, за что ты его угробить хотел.

— Что-о-о?

Уже негромко, обращаясь к первому “помогальщику”, да и ко всем остальным:

— Куда, на фиг, вы его тащите?! Явный перелом со смещением, — показал на правую голень, искривленную под неестественным углом, — сейчас осколками кости сосуды повредите, и хана. Кто его родным будет объяснять, почему вы его убили?

По толпе прокатился ропот. Поднял руки, ладонями на уровне груди, как бы отталкивая народ.

— Отойдите шагов на пять, дайте места. Вот ты, дружище, если на самом деле хочешь помочь, отодвинь людей, дай мне место для работы.

— Ага... Братва, ну-ка, давайте, двигайте, видите — человеку мешаете!

Ну-с, что тут у нас? Лежащий без сознания, по крайней мере, глаза прикрыты, и... хм, не разговаривает. Бледноват, но не чрезмерно, на сильную кровопотерю не похоже. Что там ещё? Про что ты мог забыть? А, да ладно, давай по ходу разбираться. Присел на корточки, потом наклонился, почти прижавшись левым ухом к его губам, взгляд замер на груди.

— Раз, два, три, четыре...

Почти сразу услышал звук вдоха, щеки коснулось дыхание. Грудь и живот мерно ходят — дышит. Ну, слава Богу, хоть это.

— Сынок, на вот, возьми.

Поднял глаза — сквозь толпу протолкалась какая-то тётка и протягивала здоровенную булавку!

— Ты язык-то ему к щеке приколи. Что ты на меня так смотришь? Или вас там этому не учили?!

Внутренний умник заржал в голове.

— Кто-нибудь, приколите язык этой “помощнице”, — выделил голосом последнее слово. Повернулся к “наезжальщику”: — Как тебя?

— Серый.

— Серый, ты за народом смотришь?

— Мать, иди отсюда, видишь — без тебя справляются. Ты говори, братан, чем помочь?

— Помочь? Да, помощь нужна. Надо ему голову запрокинутой подержать, чтоб язык и вправду не запал. Ворочать его сейчас ни в коем случае нельзя.

— Я! Давайте я подержу! — рядом присел паренёк лет двенадцати, добавил сквозь слёзы: — Это мой папа.

— Как зовут?

— Папу?

— Тебя, — выдавил ободряющую улыбку. “Вот ведь засада... Смотри не угробь мужика на глазах сына”.

— Коля... Николай.

— Значит, так, Коля-Николай, держишь папе голову вот так, — запрокинул, проворачивая, как на шарнирах, — в таком положении язык не западёт, и папа будет дышать. Без булавки, — сверкнул глазами в сторону, тётка испуганно юркнула за спины. — И слушаешь дыхание, понял?

Парнишка смахнул слезу, кивнул.

— Голову не отпускаешь. Дыхание слушаешь. Смотришь на грудь и живот — увидишь, как дышит. Если начинает хрипеть или перестаёт дышать, сначала проверяешь, не опустилась ли голова. Потом зовёшь меня. Понял?

Паренёк, уже приняв отцовскую голову в руки, опять кивнул.

Здесь пока всё? Ну, а что ещё? Дышит, без сознания, не течёт. Лишь бы парнишка голову не упустил. “Этот? Этот будет держать”.

Встал, стараясь не коснуться себя перчатками, уткнулся лбом в локтевой сгиб. Господи, ну, где инструктор, когда он так нужен?! Я же не медик и не воевал, как Влад. Я ранения только по видео да на манекенах видел! Вдох-выдох, вдох-выдох. Не раскисай, выживальщик, ты для чего столько на курсы ходил? Давай, реализуй на практике!

— Карим! Ты где?

Тот появился молчаливой тенью.

— Будь добр, найди мне что-то вроде косынки. Знаешь, есть такие, медицинские?

Карим отрицательно мотнул головой.

— Любой кусок ткани, треугольный, чтоб длинная сторона была около метра. Хоть из штор нарви. И нужен вороток. Палочка такая, попрочнее, можно отвёртку.

Вернулся к первому. Над ним нависал Фёдор, оттесняя любопытствующих. Присел на корточки рядом, стараясь не наступить в растёкшуюся кровь. Посмотрел — вроде ничего не сочтётся, да и маленькая лужица под раненой рукой не увеличилась. Немного отлегло.

— Живой? Как звать-то тебя?

— Рустам.

— Хорошо, Рустам, сейчас я тебе закрутку наложу, придётся потерпеть.

— Может, ремнём перетянуть? — Фёдор указал на свой пояс.

Артём поморщился, покачал головой.

— Плохая идея. Его не зафиксируешь, и, если что — не докрутишь потом. Впрочем, как и жгут эсмарха...

У Артёма на поясе в чехле висел отличный кровоостанавливающий медплантовский жгут-турникет, вот только использовать его на постороннем человеке не хотелось.

“Всегда используйте аптечку пострадавшего или подручные средства. Ваша аптечка — для вас, — говорил инструктор на курсах первой помощи, — иначе своё израсходуете на первого раненого, а когда прилетит вам, будете, как говорится, с голой задницей”.

Карим молча возник рядом, как будто материализовался. Протянул комок ткани, две отвёртки и толстый маркер в пластиковом корпусе. Артём выбрал из комка одну тряпочку — вполне сойдёт, хоть и синтетика. Сложил вдвое, пристроил маркер. Ну, теперь только не накосычить! Мысленно прокрутил в голове движения, вроде ничего не забыл.

— Так, Рустам, сейчас перевалишься на спину, кровь пойдёт опять, но недолго, я тебе быструю закрутку наложу... Подожди пока, я всё приготовлю. Давай!

Одним заученным движением перетянул руку под плечом, два оборота маркера, и кровь, пошедшая было снова, опять остановилась. Хорошо, что не бедро, вот там намучаешься! Наскоро зафиксировал свободными концами косынки вороток.

— А вот теперь наложим плановую...

— Э-э-эй! Как вас там... — раздалось со стороны мужика со сломанной ногой. — Папа очнулся.

— Рустам, придержи вороток, я на секунду. А ты, Фёдор, присмотри за ним, вдруг отключится. Сразу меня зови, понял?

Сделал шаг в сторону переломанного. “Эй-эй-эй, куда?!” — заорал умник. Что не так? Оглянулся — он же на спине! Да ещё и сам повязку контролирует! А если сейчас отключится?! Мотнул головой, отгоняя сомнения: прорвёмся! Бросился к лежащему мужику, народ расступался уже сам.

— Меня зовут Артём, я вам помогу, только с другим закончу. У вас перелом со смещением, пожалуйста, лежите, не шевелитесь.

Мужчина закивал. Сын попытался снова запрокинуть ему голову, остановил.

— Сейчас не надо. Просто разговаривай с ним. Вот если опять потеряет сознание, тогда запрокинешь. Ты меня понял?

— Серый?

— Да?

— Как у вас тут со “скорой”? Смысл врачей ждать есть?

— Я сразу понял, что ты не местный... Не, братан, не ездит у нас ничего. И врачи из больнички ни ногой. Их, по ходу, оттуда просто не выпускают.

— Понятно, значит, надо тащить. Так, граждане. Мне нужно как можно больше ткани, подойдёт любая. Карим! Найди какую-нибудь палку поровнее, типа ручки от швабры. Только прочную. И косынок понадобится много. Подойдут ремни, нужно будет к палке его приматывать... Ах, да!

“Ты на чём его тащить собрался?” Подзавис на секунду. Действительно... Снять дверь? Бли-и-ин, про дверь же что-то говорили... Что?! Как отрезало. Альтер эго тоже молчит. Так, спокойно, мы сломанную ногу примотаем к здоровой, через прокладки из ткани, чтоб не шевелить место перелома, так? Так! А здоровую, и всего мужика до подмышки, к палке. Так... А, к чёрту всё, решено, делаем носилки!

— Нужны две длинные палки и верёвка. Найдём?

Серый заверил, что при необходимости из-под земли достанет. Почему-то верилось.

Вернулся к Рустаму. Ну вот, всё хорошо, пациент скорее жив, в сознании и дышит. И придерживает вороток здоровой рукой. А на курсах за такое дисквал, точно. “Блин, а у тебя выходит!” Не торопясь, выбрал косынку из ткани, более всего похожей на х/б. “Не суетись, у тебя всё получается”. Не спеша завязал на двойной узел, затянул потуже. Это же не курсы, сразу после упрямления косынку снимать не придётся. Теперь отвёртку, как вороток, крутим... Зафиксировать...

— Может, с другой стороны? — спросил Фёдор.

А, что? Вот болван! Фиксирующие концы пропустил наоборот!

— Да, спасибо! Забывать уже начал, как обычными косынками работать! — подмигнул Рустаму. — Ну как? Норм?

— Спасибо. А я уж думал — всё, хана. Я держу, а она течёт.

— Ладно, ладно, лежи, береги силы.

Снял временную закрутку, с маркером. Им же прямо на лбу удивлённо-го Рустама крупно написал время. Повернул пострадавшего снова на бок, рану накрыл ещё одной косынкой, поймал взгляд Фёдора.

— Смотри за ним. Контролируй сознание, разговаривай. Отключится — контролируй дыхание. О’кей? А я пока нашим прыгуном займусь.

Изначально в этот городок заходить не планировал. Да и путь лежал немного в стороне. Но сначала Светка высказала робкую идею зайти за новостями, а после и сам Артём, боясь себе признаться: “А может?...” — согласился с тем, что идея хорошая.

Они с приятелями бывали здесь раньше во время походов: городок как городок, обычный спутник промышленного центра, тысяч десять населения, большая часть которого ездила на работу в город; производства как такового нет, филиал вуза, несколько профилакториев, под боком — россыпь дачных посёлков. Кажется, как раз сюда сосед возил свою тещу с рассадой.

Торговый центр “Аврора”... Хотя какой центр! так, центрик недалеко от окраины. Автовокзальная площадь, открытые ряды для частной торговли, большая парковка, сейчас по-прежнему забитая автомобилями. В общем — некое сосредоточие цивилизации, но не центровое. Идеальное место, чтоб узнать новости и сильно не светиться.

Не светиться не получилось.

— Добрый день всем.

“Нарвался!” Краем глаза Артём видел, как справа от него, со стороны ног пострадавшего, толпа раздвигается. Впереди уверенный парень, моложе тридцати, тёмные волосы в пучке, сильно выцветшая, когда-то красная повязка с оставшимися бледно-жёлтыми буквами “...жинник”. Из-за его спины выглядывал совсем молодой, чуть старше двадцати, с очень живыми глазами, подвижный, как ртуть, паренёк в камуфляже.

— И что у нас здесь происх... Ага. Перелом? Да, вижу, перелом. — Взгляд парня уцепился за перчатки, рука дернулась к карману. Но секундой позже он уже опускался рядом на корточки, — давай помогу.

— Там, — Артём показал подбородком, — ещё один. Глубокий порез правого предплечья. Я наложил закрутку, лежит в устойчивом боковом. Должен быть в сознании. Его можно эвакуировать.

— Леший, слышал?

— Да, ща займусь, — камуфлированный паренёк отправился к Рустаму. Оттуда донеслось: — Ба! Какие лица! Как же ты так?

Донёсся оправдывающийся голос Рустама. Что-то какой-то слабый. Неужели успел столько крови потерять? Да не, не должно, судя по луже, пол-литра, может, чуть больше. Ты с повязкой не накосычил? Или закрутка ослабла, и рана подтекает? Чуть не бросился проверять.

— Сталкер, слышишь? Рустам в сознании, мы ща потихонечку своим ходом дотопаем...

— Стой! — Артема обожгла догадка. — Какой, на фиг, “пешком”. Слышишь, как разговаривает? Это его от адреналина отпускает. Сейчас пойдёте, и на улице он у тебя отключится.

— Не бойсь, допру, если чё! Я в армии не таких таскал!

— Да на тебя мне пофиг, а вот если он в кому впадёт? Как там тебя, Сталкер?

Первый парень, довольно споро орудовавший с косынками, поднял глаза.

— Того, — опять ткнул подбородком в направлении Рустама, — надо тоже на носилках. Есть где взять?

— С носилками согласен. Вот только где их... До больнички кого послать?

— Ну-ка, пропусти... Такие подойдут? — объявился Серый с целым пучком гардинных карнизов. Обмотаны они были длинным шнуром с бахромой и кисточками.

— Блин, хлипковаты. — Артём попробовал один из деревянных прутков на прочность. — Жаль, длина в самый раз.

— Подожди, — парень, названный Сталкером, тоже взял один из карнизов. — Их здесь много, можно по два, даже по три связать, у меня скотча есть немного. А шнур хочешь, как полотно, навязать? Тогда нужны короткие распорки. Можно, в принципе, одну палку на них пустить, вот только чем отрезать?

— У меня есть чем, — буркнул Артём.

А ты не слишком вкладываешься в эту ситуацию? Сейчас предъявишь им свою замечательную раскладную ножовку, а потом отправишься дальше с пустыми руками? Но спорить с самим собой не стал, а то шизофрения какая-то получается!

Наконец-то обоих пострадавших под руководством Карима утащили в направлении местной больницы. Сталкер заверил, что врачи там дежурят и в безостановочном порядке оказывают помощь всем, кто обратится. Сам Сталкер, как и его напарник, остались, хотя Артём надеялся на совершенно другой исход.

— Ну что ж, теперь можно и поговорить спокойно. Отойдём?

Расположились у огромного витражного окна. Неподалёку, тревожно поглядывая и переминаясь с ноги на ногу у колонны, Светка изображала стойкого оловянного солдатика, приставленного к двум рюкзакам. Артём ободряюще улыбнулся жене.

— Как нас зовут, ты уже понял. К тебе как обращаться?

— Артём, — пожал плечами.

— Документов при себе у тебя, конечно, нет?

— Документы при себе у меня, конечно, есть. Вот только почему я тебе их предъявлять должен?

— Хм... Вопрос резонный. — Сталкер сделал вид, что задумался. — Может, потому, что нас больше?

От входа к ним направлялись ещё двое. Камуфляж, разгрузки, неспешные, уверенные движения. На рукавах — такие же повязки “Дружинник”. “Доигрался в благородство!” Но велух сказал другое:

— Ага, играете в правильных парней, но руководствуетесь при этом правом сильного? Вы, я так полагаю, — местные органы самоуправления?

— Даже не знаю, на что отвечать. — Сталкер развёл руками, одновременно качая головой. — На вопрос или наезд? Ладно, начну с вопроса. Как ты выразился, “органы самоуправления”, — это не мы. Мы волонтёры, то есть добровольный отряд помощи населению. В том числе приглядываем и за порядком. Теперь — что касается права силы. Согласен, мой косяк, неправильно начал разговор. Но и ты нас пойми. Что видим? Чувак, крепкий, подготовленный, толпу вон как застроил. Опять же — прикинут по-лесному, экипировка, амуниция... Только не говори, что ты обычный дачник-грибник, в лесу заблудился и только что вышел. Не будешь?

Артём усмехнулся, молча покачал головой. Парень продолжал:

— Хорошо. Так вот, всех таких спецов в нашем городке я знаю лично. Тебя не знаю, значит, ты чужой. Возникает естественный вопрос: что чужому спецу у нас нужно?

— Спокойно, — Артём поднял руки в примирительном жесте. — Я на самом деле проходил мимо и зашёл узнать, что слышно. Ничего более. Как сам, наверно, знаешь, с радио, интернетом и тому подобным сейчас напряжёнка. А тут этот прыгун, вот на рефлексах и вписался. Как выясняется — на свою голову.

— Вписался-то ты как раз правильно. Иначе Рустаму точно кранты, хрен бы ему тут помогли. А он нашему городку нужен. Так что за Рустам спасибо отдельное. — И Сталкер протянул руку.

Артём рефлекторно пожал. Некоторая взвинченность начала отступать. Он, наконец, обратил внимание, что стоящий за плечом Сталкера Леший рассматривает его с интересом, но явно доброжелательно. И двое подошедших какой-либо агрессии не проявляют.

— Артём, такое предложение: идём сейчас в штаб. Ну, этого, как ты говоришь, самоуправления. Там тебе рассказывают, что известно у нас, ну, а ты, если не откажешься, расскажешь, что знаешь или слышал сам. Идёт?

Альтернатива, конечно, так себе, но его явно не хотели отпускать.

— Ладно... — немного замялся. Светка! Сделать вид, что не знакомы? Кто знает, выйдет ли он из этого штаба? С другой стороны, оставить здесь — что она сможет одна? Не то что бункер не найдёт, из города, может, не выйдет.

Разрешил сомнения опять Сталкер.

— Девушку с собой бери, не переживай. Здесь ей одной оставаться не резон.

Снова рюкзак отдавливает плечи. Слева прижимается Светка. Шагая под рюкзаком — это не самое удобное. Сказать бы ей... Но, глянув жене в лицо, Артём передумал. Кстати, Светкин рюкзак тащит Леший. Сам предложил, вон он, впереди шагает. Легко, как будто бы с пустыми руками. Двое подошедших дружинников с ними не пошли, попрощались и куда-то исчезли. Сталкер вышагивает справа.

— А ты у кого учился? Не у Герасимова часом?

— В смысле?

— Я про первую помощь. Представляешь, когда тебя в перчатках увидел, сразу почему-то про него подумал. И работаешь косынками. Ну, и закрутка — это же Сергея Васильевича разработка.

— А-а-а, ты про это... Честно, не помню, как ведущего звали.

— Так ты не из поисковиков?

— Кого?

— Понятно... жаль. — По лицу Сталкера пробежала волна разочарования, но только на мгновение. — Про добровольный поисково-спасательный отряд что-нибудь слышал?

Артём покопался в памяти, пожал плечами.

— А как же ты на курсы к Герасимову попал?

— Да просто порывлся в интернете, нашёл курсы, почитал отзывы, сходил. Понравилось, старался хотя бы раз в год обновлять знания.

— Сталкер, он, наверно, про платные говорит!

— Ну да, платные, а какие они ещё бывают в наше время? Сейчас даже прыщ бесплатно не вскочит.

Сталкер покачал головой:

— Поверь, ты ошибаешься.

С удивлением Артём отметил, что никаких особенных изменений в самом Городке нет. Против ожиданий — ни разрушений, ни следов пожара, даже стёкла везде целые. Улицы чистые, а не заваленные всяким мусором и поваленными деревьями. Малолюдно, это да. Если вычеркнуть из памяти последние пару дней, то легко можно представить, что всё, как обычно, жизнь продолжается, а все недавние события — страшный сон. Хотя чего он ждал? Того же, что было дома?

Вначале сосало какое-то чувство неправильности в этой обиденной картине, потом, наконец, дошло — на улицах нет машин! Спросил Сталкера.

— С автопарком у нас всё нормально, просто на общем собрании решили, что пока не прояснится — бензин не жечь. Он сейчас — невосполнимый ресурс.

— И как, все тут же послушались?

— Сомневаешься? Вообще-то правильно делаешь. Ну да, не все готовы отказываться от своих сиюминутных удобств ради общего дела. Ничего, — он усмехнулся, — пришлось осваивать методики убеждения. Впрочем, коллективное мнение — это сила, если уметь пользоваться. Главное, качнуть мнение большинства в правильное русло, а там активная общественность поможет с особо непонятливыми. Кто-то по-прежнему думает, что самый умный, может на общих собраниях гривой кивать, а под шумок тырить то, что, по его мнению, ничьё. А есть уникамы, до которых вообще, похоже, не доходит. Что поделать, — развёл руками, — дефекты воспитания! Пришлось тут прибегнуть к непопулярным мерам. Нашлись тут шестеро из “золотой молодёжи” на каникулах: четыре великовозрастных балбеса с двумя подружками.

— И что с ними сделали? Убили? — Светка округлила глаза.

— Да по-хорошему, надо было... Вывели на границу городка и — пинка под зад. Пусть тешат свою блажь, где угодно и перед кем угодно. Если найдут таковых. А в городок им появляться заказано.

— А если наплюют на запреты? Они же, как ты говоришь, отмороженные? Что сделаешь?

— Если нам попадутся, так это им повезёт. Потому как есть среди жителей и такие, которые не прочь с ними повстречаться. Вот тогда будут у ребят проблемы.

— А куда же им идти?

— Куда хотят.

— Но это же не гуманно!

— Не гуманно подставлять всех. Чем жизнь этих мажоров ценнее жизни матерей с детьми на руках?

Светка, видимо, хотела ещё что-то возразить, но не нашлась. Дальше шли молча. Штаб располагался в местной мэрии — здании ещё советской постройки из силикатного кирпича, с высоким крыльцом, призывным изоборажать трибуну перед небольшой площадью. На входе — вахтёр, похоже ещё со времён “до”. Кивнул Сталкеру и Лешему, как знакомым.

— Эти со мной. Где Равилич, не знаешь?

— В сто восемнадцатой был.

Сто восемнадцатой оказалась большая комната, метров шестьдесят-семьдесят квадратных, с большим овальным столом посередине, по стенам — ватманские листы, исчерченные схемами и таблицами, несколько досок для рисования маркером, большая карта города.

— Дима, твою мать, ты что, не догоняешь? У нас просто некого поставить на эту задачу!

— Блин, это, кажется, вы со своим узколобым подходом ничего не догоняете. Если сейчас мы не наладим контакт с деревенскими, завтра это может быть в десять, нет, в сто раз сложнее! А когда вы наконец-то признаете, что Ильясов был, как всегда, прав, придёте ко мне каяться: “Дима, мы бараны!” — но момент будет упущен!

Рядом со столом несколько человек о чем-то спорили, надрывая голосовые связки, но появление новых лиц заставило их прерваться.

— Извините, что отвлекаю. Равилич, можно тебя?

Один из спорщиков бросил взгляд на вошедших, задержал его на Артёме, секунду-другую всматривался... И, раскинув руки и широко улыбаясь, пошёл навстречу.

— Ба! Знакомые лица! Земляк, какими судьбами?

Секундное замешательство сменилось удивлённым узнаванием. Ну, точно! Те же очки в тонкой золотой оправе, короткая стрижка ёжиком, тёмно-синяя рубашка, расстёгнутая до середины груди. К Артёму шагал давешний пожилой крепьш, с которым он общался ещё в городе. Он-то как здесь?

— Так вы знакомы?

— Формально да, — крепьш обнял Артёма. Тому показалось, что попал в тиски, — давешний знакомый оказался крепким не только на вид. — Виделись и даже общались. Хотя познакомиться так и не удалось.

Он протянул руку.

— Дмитрий Равильевич, можно по имени. Сталкер со своими просто Равиличем кличут.

Артём представился.

— Так, мужики, — Дмитрий обратился к недавним собеседникам. — Давайте прервёмся. Иначе мы ни до чего не договоримся. Покурим, подышим, да и вообще, надо бы подвигаться, а то с утра не прерывались. Лады? А я как раз с человеком пообщаюсь. Куришь?

Артём покачал головой.

— Правильно делаешь! Я тоже.

Крепьш прошёлся по крыльцу взад-вперёд, сделал несколько наклонов, пояснил:

— Представляешь, второй день говорильни, размяться некогда. А ведь мне рекомендовали уехать. Последний раз совсем недавно, приблизительно за неделю до всего. Отказался. Что мне делать за бугром, кроме как на пляже валяться? Моя родина здесь. Мда.

— А мы должны были улететь в отпуск. У нас и билеты куплены. Сейчас иногда жалею: ну, почему я не взял отпуск на пару-тройку дней раньше?

— Да? — Равилич посмотрел на него внимательным взглядом. — Знаешь, что меня удивляет во всей этой истории? Почему мы оказались не готовы? Сейчас всё кажется таким очевидным. Все события последних дней, да что там — месяцев просто кричали о том, что ситуация не может разрешиться сама собой, что нужно ждать чего-то... страшного.

— Помпей и Геркуланум, — сказала Света. — Тоже косились на Везувий, ведь не мог он взорваться вот так вот сразу, без признаков надвигающегося извержения. С другой стороны, сколько было спекуляций на тему конца света? Самый ближний — две тысячи четырнадцатый.

— А вам, барышня, не отказать в уме, — Равилич показал ей большой палец вверх. Повернулся к Артёму: — Ну что ж, Сталкер мне сказал, вы зашли к нам за информацией. У меня была возможность немного к тебе присмотреться, да и за случай в “Авроре” мы, по большому счёту, должны. Так что инфой поделимся.

— Я, со своей стороны, готов рассказать всё, что знаю. О ситуации.

— Скорее всего, всё, что ты мне можешь рассказать, я и так знаю. Ну, разве что расскажешь мне, что в лесу между городом и нами пошли грибы. — Собеседник наконец взглянул на Артёма, улыбнулся. — Удивлён? Да чему тут удивляться! Весточки из Города к нам поступают регулярно. Вы же явно тащились пешком через лес. Не знаю, какие из вас ходоки, но наверняка не меньше дня топали. Ведь так?

Артему оставалось только согласиться.

— Да, ушли в ночь после того, как виделись крайний раз. От утра не ждал ничего хорошего.

— Вот как?

— Не прельщает работа за пайку на не понятных мне людей.

— А что непонятного в Гаврилове? Он-то действует как раз в очень понятных рамках. Так, как его учили. В этом сила армии — пока мы, гражданские, будем метаться, вопрошая, что же нам делать, собирать собрания и ждать, пока найдутся сумасшедшие, готовые тащить на себе весь этот груз, у них есть штатное расписание и устав, отработанные на ученьях действия и дисциплина. Может, их действия будут и не самыми подходящими для какой-то конкретной ситуации, но они будут. А это в тысячу раз лучше, чем бездействие и паника.

— Может, и так, только я там оказался не нужен. Представляете? Такая амёба, как мой соседка, всё достоинство которого — служба в армии, нужен. А я, полжизни готовившийся к подобным ситуациям, — нет! — Артём даже задохнулся от обиды.

— Понятно, — понимающе улыбнулся собеседник, хлопнул его по плечу. — Пойми, это не плохо, и не хорошо, это данность армейского подхода. Твой сосед, раз прошёл срочную, знает, что такое субординация и дисциплина. И оказавшись опять в армейской среде, не будет умничать, задавать вопросы и обсуждать приказы. Он их будет выполнять, возможно — спустя рукава. Но для армии это зло известное, методы борьбы с ленью там отработаны столетиями. А вот умник, который вместо исполнения приказа начнёт мыслить самостоятельно и делать по-своему, он даже опасен!

— Чем же? Тем, что вместо идиотского приказа сделал так, как было лучше?

— Хм... — на несколько секунд собеседник задумался. — Вот представь, идёт корабль. В каюте лазарет, люди, которые задыхаются и даже могут умереть, если не глотнут свежего морского воздуха. По трансляции поступает команда капитана: закрыть иллюминаторы! Но некто, хорошо разбирающийся в медицине, говорит: приказ — идиотский или даже преступный! Мы можем потерять этих людей. Нельзя закрывать иллюминаторы! И делает по-своему! Вот только он не видит, что идёт волна, а иллюминаторы расположены слишком низко, и их захлестнёт. Он не знает, что корабль перегружен, имеет плохую остойчивость, и даже немного воды на один борт способны его перевернуть!

— Ну, так капитан должен просто объяснить, по той же трансляции. Конечно, если открыт иллюминатор может привести к гибели всего корабля, ни один здравомыслящий человек не откажется его закрыть. Тем более, несколько минут без свежего воздуха никого не убьют, это точно.

— Не убьют? Ладно, наверно, неудачный пример. В конце концов, я не силен в медицине, я же для примера! Важно другое — в иной ситуации вдаваться в объяснения — упустить время. А не объяснишь — обязательно найдётся умник, который скажет: ну, что за ерунда, подумаешь, сколько там успеет влиться в маленькое окошко?! Зато военнослужащий рассуждать не будет — старший приказал закрыть, значит, надо закрыть, а не рассусоливать!

— Да что я, debil, что ли? Не понимаю, что значит выполнение приказа в экстремальной ситуации? У нас тоже, между прочим, бывало, когда один командует, остальные выполняют, а все претензии потом.

— Возможно. Но у тебя же на лбу не написано: “Я не debil, команды исполняю, в сложных ситуациях не умничаю”. Вот поэтому проще взять людей, возможно, не таких умелых и сообразительных, как ты, но понятных и прогнозируемых. А как их отобрать? По формальному признаку — служил-не служил.

— Вот и я говорю, не по пути мне с военными. Не подхожу им по этому самому формальному признаку.

Собеседник посмотрел на Артёма долгим внимательным взглядом.

— Ну, а с нами? По пути? Нам-то ты как раз подходишь.

— С кем это — с вами?

— С теми, кто хочет выжить сам и сохранить жизни другим людям. Правда, вот беда, — Равилич развёл руками, — нет у нас под рукой массы дисциплинированных исполнителей. Да и с недисциплинированными тоже напряжёнка.

— Ну, а как же ваши волонтёры?

— Ты про Сталкера и его команду? Их шестеро всего. Да, с ними повезло, не часто в наше время встретишь людей, готовых безвозмездно помогать другим. Я так понял, вы пересекались в прошлой жизни?

Артём покачал головой.

— Честно говоря, я о таких и не слышал. Всегда считал, что волонтерство — это какое-то жульничество. Ну, кто в наше время бесплатно во всякие экологические пикеты пойдёт? Кто их кормить будет?

— Плохо ты людей знаешь. Не скажу за активистов-экологов, наши из ДПСО, — увидел удивлённо вскинутые брови, пояснил, — добровольный поисково-спасательный отряд. Парни до всей этой задницы в свои выходные, за свои бабки занимались поиском пропавших людей. Просто потому, что у ментов со спасателями ресурсов на всё не хватает. А теперь так же добровольно, не прося ничего взамен, берут на себя самую неблагодарную работу. Просто потому, что кто-то её должен делать. А работы, ты не представляешь, сколько! Мы говорили про то, что неплохо бы знать заранее. Так вот, знал бы заранее...

— Уехал бы, — то ли спрашивая, то ли утверждая, сказал Артём.

— А вот и не угадал! Не уехал! Ни фига! Людей бы нужных постарался спасти. Они наша главная ценность, а не склад с продуктами или медициной.

— Люди, — выдохнул Артём, — это точно, не те люди погибли, не те...

Перед глазами опять встали Влад с Верой, Муха, Толян с Катей, хотя, может, последние трое ещё живы. Потом почему-то вспомнился Родионенч и сразу же, без перехода, — штурмующая “Звёздный” толпа, и перекошенное лицо соседа во время последней встречи. Захотелось сплунуть, но удержался, продолжил уже другим тоном:

— Ну, и скажите, зачем спасать всё это стадо? Да, это люди, но... — Пауза затянулась, Артём никак не мог подобрать слова.

— Стоит ли спасать всех? — продолжил за него Дмитрий. — Ты не оригинален. Порой и мне хочется плонуть на всё, сказать: да живите, как хотите, только потом не плачьте. Знаешь, почему не делаю?

Подождал, пока Артём покачает головой.

— Потому что один я, как бы ни был подготовлен, не выживу. И даже небольшой группой таких же, как я, — не выживем. О-о! — Он невесело рассмеялся. — Вижу скепсис вперемишку с презрением! Думаешь — слабаки? Не то, что ты? Давай я тебе кое-что поясню. Ты из так называемых “выживальщиков”. Идёшь ты, скорее всего, к какому-нибудь выкопанному в лесу бункеру, с запасами гречки и тушёнки, в котором, как в подводной лодке, надеешься пережить тяжёлые времена... — Ильясов расхохотался, потом ещё раз хлопнул Артёма по плечу. — Думаешь, я сейчас начну выпытывать, где твой бункер? Успокойся, на фиг он мне не сдался! Ну, допустим, у тебя там годовой запас жратвы. Фиг с ним, парень ты основательный, скажем так:

на десять лет. На двоих. А теперь сам считай: то, что вам двоим на десять лет, двадцать человек съедят за год. Так? А для двухсот? Сколько? Месяц? Ну, ладно, пусть чуть больше. А теперь сам считай: у меня народу без малого девять тысяч человек, им твоих запасов — один раз перекусить, и всё. Всё! Понимаешь? Так что твой бункер интересен будет только тебе да всяким отщепенцам.

Равилич опять прошёлся взад-вперед по крыльцу.

— Ты пойми, парень, наступившие времена — это не надвигающийся шторм, который можно переждать на глубине, а потом всплыть к той же обстановке, что и до погружения. И я даже не про то, что жизнь меняется, и когда твои запасы гречки подойдут к концу, интегрироваться в какой-то коллектив вам всё равно придётся. Давай поглядим на более простые примеры. Вот у тебя, как говорит Сталкер, неплохая подготовка в области первой помощи. Может, даже какая-то медицинская специальность есть.

Артем покачал головой:

— Нету.

— Ну, понятно, впрочем, не важно. Я вижу, ты не один, с тобой девушка. — Равилич кивнул в направлении Светки.

— Жена.

— Тем более. А скажи мне, выживальщик, ты не только с ранениями и переломами можешь справиться, ты и роды принять сумеешь?

— Что?

— Что “что”? Это жизнь.

— Ну, так рожали же бабы раньше, и без всяких акушеров, — нашёлся Артём и покосился на Светку. Та вроде не реагировала, может, не слушала.

— Рожали. А какая при этом смертность была, в курсе? Ты готов окатиться в статистике не в той графе? — Равилич продолжал втаптывать самолюбие парня. — Ты ловко останавливаешь кровотечения на конечностях, а внутриматочное сможешь? Молчишь... Или с ребёнком что. Ты педиатрию хорошо знаешь? Я уж не спрашиваю, что будешь делать, если твоя девушка поранится и сепсис пойдёт. Или ты ногу сломаешь. Или кто-то из вас глазом на ветку напорется. Или клещ укусит... Да мало ли что?

Равилич замолчал, давая возможность переварить услышанное.

— За те восемь лет, что я хожу в походы, а это отнюдь не простые прогулки выходного дня, бывали разные ситуации. Но ничего — живой до сих пор. — Прозвучало это, скорее, как оправдание, впрочем, Артём и сам это почувствовал.

— Оставайся, Артём. Нам вменяемые специалисты позарез нужны. У меня подавляющее большинство людей или продавцы различных мастей и категорий, или водители, токари и тому подобное — то, что ещё долго будет не нужно. Нам же сейчас нужны люди вроде тебя. А я в долгу не останусь. Поверь, сейчас это важно. Знаешь, что Гаврилов ввёл продуктовые пайки?

— К тому всё и шло.

— А то, что иждивенческий паёк на уровне прожиточного минимума по каллоражу? И не надо так на меня смотреть, это путь, который и нас ждёт, ибо еды катастрофически не хватает. Конечно, у нас тут садовые участки под боком, и в следующем году будем засаживать любой клочок обработанной земли. Но это — только будущий год, а впереди зима, а еду придётся распределять! И конечно, придётся выбирать: либо всем еле ноги таскать от голода, либо кормить наиболее ценных членов общества. Но тогда остальных — оставить за чертой. Вот ты спас Рустама. А знаешь, кто это? Он биолог, последнее время от безысходности выращивал грибы в подвале и был на дух никому не нужен. А сейчас он моя надежда! И я лучше от себя кусок оторву, но он должен выжить. Ибо тогда выживут все остальные.

— А от меня вам какая польза? Я не биолог, не агротехник, я даже картошку последний раз в далёком детстве сажал. И работал простым старшим смены в логистическом распределителе, командовал грузчиками.

— Ивановский РЦ? — заинтересованно спросил Равилич. — Знаю такой, знаю. Человек сто в смене, наверно, было?

— Сто двадцать четыре, это по штату. А так, конечно, кто-то всегда не выходил.

— Понятно. Карщики, комплектовщики, приёмщики, кладовщики — все у тебя?

— Ну да, отвечал за всю смену.

Равилич снова хлопнул Артёма по плечу:

— По армейским меркам, на роту тянет. А если брать количество служб — батальонный уровень. И Гаврилов просмотрел такого спеца! То, что людьми руководить умеешь, это по “Авроре” было понятно. И первой помощи обучен. А ещё, наверно, в лесу хорошо ориентируешься и вообще — не пропадёшь?

Артём в очередной раз пожал плечами: дескать, ну, и что?

— Жена, конечно же, тебе под стать?

— Не, что вы, — откликнулась Света. — Тёма пытался меня брать в лес, но мне в городе привычнее.

— А вы, барышня, чем занимались?

— Я учителем музыки работала.

— Вот как? Я подумал, истории.

— Это так, почти хобби. Замещала иногда историчку.

— Так это же замечательно! — Равилич расплылся в улыбке. — У нас школьный сезон на носу, а в нашей школе большинство учителей, как назло, в отпуска поразъехались. Теперь их кем-то заменять надо!

— Какая, на фиг, школа? — потрясённый Артём выкатил глаза на собеседника. — Ты ж сам только что говорил, на носу голод, и непонятно, кто зиму переживёт! Ты же собрался пайки резать...

Равилич прищурился:

— А скажи-ка мне, выживальщик, у тебя есть мечта?

— Что?

— Мечта. О чём ты мечтаешь, засыпая?

— Да... ни о чём таком. Я хочу выжить в этом бедламе. А ещё у меня есть она, — кивнул Артём на Светку, — и она должна жить.

— Достойно, — покивал Равилич. — По-мужски. А знаешь, о чём я мечтаю? Я тоже хочу выжить и вытащить жителей этого городка. Но есть ещё кое-что. Я мечтаю, что и через два-три поколения люди будут цитировать Пушкина и Достоевского, знать о Суворове и Александре Невском. А не только уметь сажать картошку и отличать съедобный гриб от несъедобного.

Артём задумался. Затем спросил:

— Скажите, Дмитрий Равилич, а какой в этом толк, если завтра сюда прикатит на своих БТРах Гаврилов и отберёт всё, что вы здесь навывращиваете?

— Не отрицаю, такой вариант возможен. Но только возможен. А вот если сейчас не озаботиться производством еды и, во-вторых, — постановкой в стойло всех этих свободно мыслящих индивидуальностей, то завтра эти неповторимые личности перетопчут друг друга за ведро картошки, и никакой Гаврилов или ещё кто нужен не будет. Нам уже сегодня нужно жить.

Артём молчал. Равилич выдержал паузу и продолжил:

— Этот городок — моя родина. Я здесь родился, вырос, начинал свой бизнес. Потом, конечно, подался в большой город, там всё же возможностей больше. Но тогда, послушав этого коменданта, я вернулся домой, сел на велик и уже ночью был здесь. Потому что обойдётся капитан Гаврилов без младшего сержанта Ильясова. А вот мой городок без меня может и не обойтись. Ладно, выживальщик, поступим так: сейчас ты отправляешься в свой бункер, живёшь там с супругой, неделю, месяц, год... В общем — сколько влезет. Пока не завоешь на луну оттого, что заняться нечем, что все твои навыки, полученные за многие годы, не к чему применить. Я думаю, что больше месяца не выдержишь, а может, меньше. И вот тогда приходи. Поверь — не обидим. Будет, что есть, будет, где жить. Будет медобслуживание, всё будет. А ещё, я дам тебе то, что нужнее всего, — чувство нужности. Ах, да, если будет нужна помощь, любая, тоже приходи. Мы не бросим.

Деревня

Где-то в стороне хлопнул выстрел. Артём присел и настороженно замер, обратившись в слух. Сердце на миг замерло, а потом рвануло с места в карьер, как хороший спринтер. Покосился на Светку, та повторила всё в точности. Пару мгновений ничего не происходило, только птичье пение как обрезало. Один ветер продолжал шуметь листвой. Успела мелькнуть робкая надежда: “Показалось?” Не показалось — откуда-то справа резанул женский крик.

Рука сама нащупала цевьё, ремень аккуратно сполз с плеча. Под аккомпанемент бухающего в висках пульса поднялся на напружиненных ногах, оружие наизготовку, в голове вакуум. Повернулся к жене, зачем-то показал ей прижатый к губам палец: можно подумать, она и сама не понимает. Стараясь ступать как можно тише, двинулся в направлении шума. Крадучись преодолел метров сто пятьдесят, аккуратно отвёл стволом раскидистую ветку какого-то густого кустарника, и глазам предстала картина.

На небольшом прогальчике среди леса напротив друг друга две группы людей. Слева сбились в кучку два парня и две девушки. Яркие цветные банданы и кепки, мембранные куртки и рюкзаки из синтетики. Девчонки, обнявшись, давились слезами, опасно поглядывая на вторую группу. Парни стояли в международной позе сдающихся в плен, подняв руки и в каком-то офигевании выкатив глаза себе под ноги. Там, в невысокой лесной траве ничком лежало тело их товарища, над которым заходила криком ещё одна девушка. Именно этот надрывный отчаянный плач послужил звуковым маяком, приведшим Артёма к полянке.

Группа напротив представляла из себя столь колоритное сборище, что не будь событий последних дней, Артём поискал бы взглядом киношников с аппаратурой во главе с капризным режиссёром. Чуть впереди дед: брезентовая куртка с капюшоном, тёмные штаны, заправленные в кирзачи, и окладистая с проседью борода. Дополняла картину направленная на туристов двустволка, которую дед небрежно держал у бедра. У правого плеча, но на полшага позади стоял его точный клон, лет на двадцать моложе, да борода поменьше и пока что чёрная. В отличие от деда, губы сжаты в нитку, настороженный прищур, приклад упирается в плечо, а ствол нервно рыщет по сторонам.

Позади — бабка, тётка, как назвать? — женщина, не старуха, но и не молоденькая. Тёмный платок, из-под такой же брезентовой куртки длинная чёрная юбка. За руку она с трудом удерживает вихрастого подростка. Пациентка напряжение момента явно не коснулось, и он активно порывался на свободу.

— Смотрите, роя, Федька оклемается, мы рожито ваши ему предъявим. Не дай Господь, узнает в вас тех, кто его отходил, не сносить вам тогда голов.

— Ты-ты чё, дед, я же тебе русским языком говорю, т-туристы мы, вчера еще у К-Козловской балки б-были. Дался нам ваш огород, у нас с-сублиматов ещё на неделю! — заикаясь и не сводя взгляда со своего убитого товарища, говорил один из парней.

— Неделя кончится, а жрать-то всем надо.

— Погоди, Митяй, может и не они, — подала голос тётка.

— Чё это, не они? Федька сказывал, тех тоже шестеро было.

— Там, вроде, две девки было, — басовито подал голос дедов клон.

— Федька мог и ошибиться в темноте.

— Дед, да как тебе д-доказать, не видели мы никакого вашего Федьки, мы неделю от станции Б-Балково идём. Я б тебе трек на навигаторе показал, но он почему-то т-три дня спутники не ловит.

Мысли в голове помчались наперегонки с пульсом. Ясно одно, ребята — простые туристы, в походе больше недели, про катастрофу ни слухом, ни духом. Шли себе в настроении самом благостном — погода радует, конец маршрута не за горами: от Балково, станции по другой ветке железки, до их города — десять дней неспешного хода, тропа найденная. И тут им повстречались эти... Кстати, дед что-то говорил про шестерых, из которых две

девушки. Смутная догадка мелькнула в памяти. И что делать? Бежать к деду с криками: “Подождите, я вам всё сейчас объясню!”? Дед, похоже, сначала стреляет, и только потом включает мозг.

В глубине сознания умник альтер эго начал загибать пальцы: “У тебя в магазине десять патронов с крупной картечью — это раз. Во-вторых, у них две двустволки, у клона один ствол, скорее всего, разряжен. Первым выстрелом ты по-любому одного выключаешь, остаётся один с двустволкой против твоей самозарядки”. Всё так, вот только... Стрелять по живым людям, которые тебе ещё ничего не сделали? А может, туристы сами виноваты? А может, они первые напали, а эти деревенские защищались? И ещё, ладно дед со вторым мужиком, но тётка и пацан! С ними-то что дальше делать?!

“А может, так? Руки вверх, бросай оружие!” И что потом? Даже если бросят, не пальнут дулетом на голос и не залягут. Что потом?!

Чтоб не затекли плечи, Артём осторожно перехватил “сайгу” поудобнее, и в этот момент из-за края поля зрения в ствол вцепилась рука и потянула ружьё книзу. Да с такой силой, что чуть не вывернула из ладоней. Парень на секунду опешил от неожиданности, каким-то чудом подавив испуганный возглас. Растерянный взгляд пробежал по руке, плечу и упёрся в широко распахнутые глаза. Лишь миг спустя сознание охватило картину целиком — рядом стояла Светка, мёртвой хваткой вцепившись в оружие, и в каком-то молчаливом припадке трясла головой. Нет, не трясла — быстро-быстро мотала ею в стороны, а широко распахнутые глаза молча кричали: “Нет! Не надо!”

Продолжая удерживать левой рукой ружьё, правую поднял ладонью перед собой, изобразил жестом: “Всё хорошо”, — подкрепляя беззвучной артикуляцией. Потом опять прижал палец к губам. Супруга продолжала мотать головой, но уже больше по инерции. Осторожно отцепил её руку, ещё раз повторил успокаивающую жестикуляцию. Убедившись, что Светка берёт себя в руки, показал себе за спину, дескать, постой пока там. И вернулся взглядом к полянке, надеясь, что собравшиеся на ней не обратили внимания на какую-то возню в кустах неподалёку.

Как раз в этот момент парнишка, наконец, высвободил свою руку из плена тёткиной ладони, и не успела та что-либо предпринять, бросился к убитому. Дед грозно выкрикнул, тётка вплеснула руками, туристы замерли, даже девушки, казалось, на миг забыли про рыдания. Только подруга убитого не отреагировала никак. Она уже не заходила криком, а бессильно опустив мелко подрагивающие плечи, сидела в траве возле мёртвого тела, и слёзы текли двумя ручейками по щекам.

Пацан подскочил к труп, наклонился и с усилием вытащил из-под него ружьё.

— Андрейка! Уши оборву! — Дед, похоже, подходил к точке закипания. — Ну-ка, подошел ко мне. Быстро!

Андрейка неохотно подошёл и отдал добычу. Дед взял ружьё в руку, мазнул взглядом и закинул его ремень на плечо.

— Вы уж не сердитесь на него, — тётка оправдывалась, как будто и не держали ребят под направленными стволами её родственники, — это племяш мой, из города. Родители нам на лето сбагрили, а сами на юга укатили. Теперь, видать, мы его единственная семья.

Дед в это время кивнул своему клону:

— Слышь, Сёма, а винтарь-то, оказывается, пневматика. Выходит, ты парня зря вальнул.

— Может, и не зря, — недовольно пробурчал тот, — если Федька их опознает, мы так и так их закопаем.

— Да вроде не врут, городские. Похоже — не они это.

— Ну, значит, парню просто не повезло. Прости, бать, нервы за последние дни ни к чёрту... Ну, а вдруг бы у него настоящий винтарь оказался?

— Тоже верно...

Парни тем временем, облегчённо вздыхая, стали опускать руки.

— Куда это? Я не давал команды руки опускать! — дед продолжил как ни в чём не бывало. — Может, это и не вы нашего Фёдора отходили, но что вы за люди, это ещё разобраться надо.

Он оглядел их ещё раз, а потом скомандовал:

— Значит, так, робя, берите свои вещички и товарища своего — нечего ему в лесу валяться, похороним по-людски. И давайте, двигайте за... — оглянулся: — Андрейка! Ну-ка, давай, топай вперёд, будешь дорогу указывать. — Повернулся к туристам: — Вот за ним пойдёте.

Парни неуклюже, за руки-за ноги подхватили своего убитого товарища. Тело ещё не окоченело, норовило выскользнуть. Так и двинулись: впереди — Андрейка, затем — две девушки-туристки, продолжающие утирать слёзы, за ними, почти волоча по земле труп, двое парней. Следом дед и не отстающий от него Семён. Замыкали колонну девушка убитого туриста и взявшая её под руку тётка.

— Ничё, ничё, милая, мы ж не злодеи какие. Кажись, Семка твоего случайно стрелнул. Ну ничё, сейчас не известно, чего ждать от человека с оружием. Знать, судьба у вас такая. Его — в землю лечь. А тебе мы парня найдём, нам сейчас люди, ох, как нужны. Да вон хотя бы и Семёна? У него жёнка как раз перед всем этим в город подалась, видать, там и сгнула...

Наконец, слова стали неразборчивы, и все они скрылись за деревьями.

По-хорошему бы развернуться и уходить, но время шло, а Артём как будто застыл, всё глядя вслед ушедшим. То ли ждал чего-то, то ли боялся пошевелиться, он и сам не знал.

— Да-а-а, а это, между прочим, ближайшая к убежищу деревня. А я-то ещё думал сходить, так сказать, навести мосты.

Повернулся к жене:

— Идём?

— Тёма, они что, вот так вот просто взяли и убили человека?

— Похоже на то, родная.

— Но ведь их же теперь...

— Что? Арестуют? Посадят?

Светка часто закивала. Артём привлёк к себе жену, обнял за плечи, пригладил волосы. Потом чуть отстранил, посмотрел прямо в глаза:

— А кто это сделает, солнышко? Полиция, власть?

Та снова прижалась к нему, крепко, как будто стремилась спрятаться у него на груди, и снова закивала головой.

— Малышка, — Артём опять принялся с нежностью гладить её по волосам, — ну, какая теперь власть? Похоже, в каждом населённом пункте своя.

Перед уходом Равилич, как и обещал, рассказал, что было известно ему самому.

— Да кто ж тебе скажет, что случилось? — Ильясов, как бы извиняясь, развёл руками. — Это в фильмах, дорогие мои, вам всё объяснят закадровым голосом. Или герой обязательно окажется в жутко секретном правительственном бункере, где станет случайным свидетелем разговора посвящённых. Ну, или персонаж по пути попадётся очень информированный и всё поведаёт, как на духу. Вам, кетати, случайно по пути такой не попался? Нет? Жаль, я бы тоже послушал.

Те, кто нанёс удар, не представились. Наверху, скорее всего, правду знали, вот только где этот верх? Докатилась информация, что на месте Москвы, Питера и нескольких самых крупных городов — радиоактивный пустырь. Никто из тех, кто это рассказывал, конечно, своими глазами ничего не видел, но здравый смысл подсказывал, что это так. Даже признаков центральной власти не наблюдалось. Хоть Гаврилов на том собрании и говорил, что его назначили, но кто это сделал? Может, сам Гаврилов, кто знает?

Нашлись очевидцы, что то была ответка, — видели старты ещё до удара. Каждый в отдельности сначала подумал про ученья, но потом те, кто выжил и смог рассказать, уже не сомневались: с кем-то мы оплеухами обменялись. А вот что дальше? Начались наземные операции, или каждая сторона, получив по мордасам, решила не лезть на чужие территории, со своими бы разобраться? Никакой информации. Военные, возможно, знали, но поделиться не спешили.

Стало быть, надеяться на некую “центральную власть”, что покарает заравшихся местечковых князьков и баронов, не приходилось.

Лес

Маленький вентилятор, запитанный от солнечной батареи, гонит воздух в печку-щепочницу, превращая её в подобие горна. Сверху водружена походная титановая кастрюлька. Радиатор на дне способствовал более эффективному поглощению тепла: вода закипела буквально мгновенно.

— Опять сублиматы?

— Потерпи, родная, ещё три часика, и я тебя настоящей кашей накормлю: гречка с тушёной! Мы с Владом этого добра в бункер на год натащили. — Подумал, невесело усмехнулся: — Теперь получается, уже на два года.

Он скинул куртку и оставался в одной тонкой термухе, позволяющей телу дышать, распустил шнуровку на берцах — пусть ноги тоже отдохнут. Спinoй прижался к дереву, ноги вытянуты, тело расслаблено, сквозь листву пробиваются солнечные лучики. Что ещё нужно после длинного перехода?

— Гречка с тушёной? — Светка, в отличие от мужа, ограничилась снятым рюкзаком, разве что куртку расстегнула. Так и оставалась сидеть с подобранными ногами. Задумчиво проговорила: — Всю жизнь мечтала питаться одной гречкой с тушёной.

— Ну, что ты, солнышко, да разве я мог бы допустить, чтоб моя радость оказалась на столь однообразном рационе? Не хотел говорить раньше времени, — он заговорщически подмигнул, — у нас там не один тушняк да гречка с макаронами. Есть и картошка, и яйца порошковые с молоком. Буду тебя по утрам омлетами кормить. Есть шоколад, орехи, “несквики” всякие. Ну, а конец похода отпразднуем консервированными персиками! Поверь, о разнообразии мы позаботились.

Но весь его нарочитый энтузиазм не достиг цели.

— Тёма, ну, что мы там будем делать?

Он помолчал немного, потом заговорил бесцветным голосом:

— Мы натащили кучу настольных игр, хотя планировалось, что нас там будет четверо. Кроме того, в убежище большая библиотека. Представляешь? — В голосе опять прорезались весёлые нотки. — Бумажные книги совсем недавно не стоили почти ничего. Кому они были нужны, когда есть электронные гаджеты? Теперь, думаю, опять подскочат в цене. Кстати, думаешь, зря я ташу ноуты? В бункере ждут несколько квадратных метров солнечных панелей — только расстилай на открытом пространстве. Можно будет даже мини-сеть на два компа соорудить и зарубиться во что-нибудь на двоих. Да что мы, вдвоём не найдём себе занятия?

— Артём, а почему ты не остался у Дмитрия?

— У Равилича? Ну, понимаешь...

Пауза затянулась. Он несколько раз порывался начать говорить, набирал воздуха, да так и сдувался. Наконец вымученно улыбнулся:

— Если честно, сам не знаю. Всё он правильно говорит, вот только...

Опять повисло молчание.

— Знаешь, милый, я твоя жена и пойду за тобой, даже если буду сомневаться в правильности пути. Но мне кажется, что ты и сам больше тянешься к людям. Ты нужен им, твой опыт, знания, навыки. А люди нужны тебе, я видела твоё лицо, когда ты оказывал помощь. Это же твоё призвание!

Она помолчала, задумчиво ковыряя поднятой веткой в траве.

— До бункера нужно дойти. Это твоя цель. Это ваш с Владом план. Вы его задумали, вы долго работали над его реализацией, и будет обидно всё бросить буквально на пороге. Но...

Что “но”, Светка договорить не успела: в кустах совсем рядом раздался хруст сухой ветки.

— Эй, кто там?

Артём непроизвольно положил руку на чехол. После того случая ружьё он прятал. Ну на фиг, эдак нарвёшься на таких же, как дед Митяй с его нервным сыном Семёном — сначала стреляют, потом уже вопросы задают.

В ответ с шумом затряслись ветки кустарника, обрамлявшего стоянку, и на огонёк вывалились двое.

— Привет честной компании! — нарочито бодро начал паренёк на вид лет двадцати, в джинсовом костюме и зелёной бандане. — Разрешите погреться у вашего камелька?

Артём хмыкнул, оглядывая вновь прибывших:

— Да сейчас вроде не холодно? И это не камелёк, греться не получится.

— Проходите, конечно, присаживайтесь. Чаю хотите? — Светка преобрилась — само радушие и гостеприимность. — Вижу, давно по лесу ходите, вы заблудились?

— Ага, заблудились, — согласилась девица под стать парню возрастом, одетая также не для леса: флисовая худи с кашушоном и узкие короткие джинсы. Естественно, оставляющие открытыми лодыжки, по непонятной Артёму моде. Он злорадно ухмыльнулся про себя — сейчас лодыжки были замотаны какими-то тряпками. На мысли о длительном пребывании в лесу наводила замызанная и изрядно помятая одежда. Взгляд зацепился за почти разваливающиеся кроссовки парня. У девушки обувь выглядела лучше.

— Артём, вскипяти воды побольше, ребят надо напоить горячим.

Воды оставалось немного, в городке набирать постеснялся, хотя Сталкер, снова провозжавший их до леса, предлагал. Оставалось два литра, на четырёхчасовой переход за глаза, а рядом с бункером притаился небольшой родничок. Когда-то была даже мысль сделать отвод воды из него прямо в укрытие, но руки так и не дошли. Ладно, в конце концов, воды можно набрать в реке, только потом прокипятить, — бутылки не выбрасывал, а, выпустив воздух, привязывал к рюкзаку свободной стропой.

Вылил одну литрушку в высокий стакан от газовой горелки “Джетбойл”, пристроил на щепочницу вместо маленькой кастрюльки.

— Так как же вас угораздило здесь оказаться?

— Заблудились, — развёл руками успевший расположиться парень. Он взял лежащую в стороне пенку, расстелил и уселся сверху по-турецки. Девчонка устроилась на корточках у горелки, протянув к ней руки.

— Действительно, а здесь тепла совсем не чувствуется. Какая интересная у вас горелка.

— Это не горелка, это турбо-печка с принудительным наддувом. Газ или бензин не нужен, достаточно крупных щепок. Вентилятор создаёт тягу, а сам запитан от солнечной батареи. Откуда идёте, ребята?

— Вышли из города, как шарахнуло, испугались радиации. А идём в деревню, к Майкиным старикам.

— То есть вы пятый день вот так по лесу шарахаетесь? А чего не по дороге-то?

— Хотели срезать, да вон как получилось!

Странно, пронеслось в голове у Артёма, как раз дороги-то и были в их лесистой местности самым прямым путём. Мысленно нарисовав в голове схему дорог, он не мог понять, где тут можно было срезать? То, что по дорогам люди ходили взад и вперёд, знал от Равилича.

— Тём, ну что ты ребятам какой-то допрос устроил. Ты же видишь — нет у них твоего опыта.

— Простите, а вы?.. — девчонка изобразила на лице вопрос.

— А мы тоже идём в Игнатовку, у нас там тоже родня, — названия окрестных деревень он помнил, эта была как раз в нужном направлении, километров на двадцать дальше.

— И чего, только вдвоём?

— Да, но Тема опытный походник...

Опытный походник поморщился, как от зубной боли, он-то хотел сказать, что они — часть большого отряда, который где-то неподалёку.

— Послушай, дядя, а может, махнёмся обувкой? — Тон парня как-то неожиданно изменился.

— Что? — Артём оказался не готов к такому радикальному изменению в поведении гостей.

— Да ладно, Вовчик, ты же видишь, — девчонка тоже неожиданно перешла на тон громче, — этим утыркам на тебя по фиг. Ты сдохнешь, они дальше пойдут.

— Что за ...? — В голове не укладывалось, во всей ситуации была какая-то неправильность. — Эй, а ничего, что вы наш чай пьете?

— Блин, да он чая пожалел, козёл! — Девка уже почти кричала.

Светка огороченно переводила взгляд с Артёма на пришлых, потом обратно.

— Так, хватит! — Артём, закипая, вскочил на ноги. — Ну-ка...

Краем глаза успел заметить, как в ужасе распахнулись глаза Светы, глядящие ему куда-то за спину, и, уже начиная догадываться, попытался обернуться... В этот момент затылок взорвался болью. Ещё успел увидеть брошенную в лицо землю, слух донёс сухой хруст, сдавленный Светкин вскрик, и сознание потухло.

Сначала Артём осознал, что лежит, уткнувшись лицом в землю. Потом накатила тупая боль, разливающаяся от затылка по всей голове, и тошнота. В правую щёку, почти пропоров её, вонзилась ветка. Хорошо, что не в глаз! Под щекой что-то липкое. Мысли еле ворочались и путались. Сильно мутило. Где я? Сквозь пелену в памяти начали проступать картины: лес, куда-то шли... Куда? В поход? А почему я валяюсь?

А, ну да! Разом вспомнилось: горящий город, Влад и Вера, Миха, Родионич, двое парней, неумело тащивших тело третьего. Мы же шли к убежищу. А потом? А потом эти двое и боль в затылке. Я жив? Судя по всему, ещё да... Светка! Что с ней?!

Как сквозь вату, стали доноситься звуки. Голоса. Как много! Было же двое незваных гостей и Света? Ну да, должен быть ещё кто-то, кто огрел по голове. Но ему показалось, что вокруг какая-то гомонящая толпа.

Так, меня вырубил, и, похоже, сейчас грабят наши вещи. Что делать? Ружьё! Оно в чехле, могли и не заметить. Должно лежать где-то рядом. Мне бы только добраться до него. Магазин уже пристёгнут, чехол быстро-разъёмный, не помеха. Останется только передёрнуть затвор, и стрелять, стрелять, стрелять. Стрелять, пока враги не кончатся. Стрелять в их мерзкие рожи, видеть страх в глазах, и осознание, что кончились их весёлые деньки...

— Смотрите-ка, — донёсся чей-то удивлённый голос, — зашевелился! Длинный, так ты не наглушняк его? А говорил, что черепашка треснула!

— Не может быть! — это, вероятно, помянутый Длинный. — Видели, какая лужа с него натекла? Да и хруст я отчётливо слышал!

— Во, — женский голос, не Майки, другой, рядом, — это дрын твой хруснул. Говорили тебе, гнилушка, а ты всё — берёза, крепкая древесина! Знаток, бляха.

Под грудь подсунулся носок ботинка, и с натугой его перевернули.

— Тяжёлый, бляха.

На фоне неба над ним склонились, разглядывая, трое незнакомцев — девушка и два парня.

— Точняк, живой, глазёнками ворочает. Эй, дядя, говорить можешь?

Попытался поднять голову и скривился от пронзившей боли.

— Света, — позвал слабым голосом.

— Да жива твоя тёлка, — рассмеялась склонившаяся над ним девка. Смахнула малиновую прядь, — даже пацаны не тронули. Хотя хотели. Мне скажи спасибо!

Попытался подняться, но руки не держали, и он опять растянулся на земле. Тогда, собравшись с силами, отполз к дереву и облокотился одними плечами. Теперь стало видно происходящее.

Сначала взгляд нашёл Светку. Та рыдала, сидя прямо в траве. Губы с левой стороны разбиты, на скуле кровоподтёк. Потом до него дошло, что же она сидит в одном термобелье.

Вован рылся в Светкином рюкзаке, как раз доставая оттуда очередной сверток.

— О, Майка, тебе обновки нужны?

Это оказались Светкины летние платья. Майка повертела в руках.

— Да я такую дешёвку, даже если мне вообще носить будет нечего, не надену.

И платья полетели в траву. Сама Майка щеголяла в Светкином костюме и берцах.

Ещё один достаточно упитанный парень в такой знакомой горке отвязывал от его рюкзака пустые пластиковые бутылки.

— Он, чё, старьевщик что ль? На хрена с собой пустую тару таскает?

— Он не старьевщик, он... как его, этот — “берегите лес”.

Раздался смех.

— Во, дебил, мог бы просто сжечь. Всё одно их потом на мусорный полигон отвезут, где они гнить полета лет будут.

Идиоты, пронеслось в мозгу Артёма, а вы воду во что набирать собрались? К лесу ребята явно не приучены.

— Слышь, дядя, снаряга у тебя классная, что ж ты ножиком нормальным не обзавёлся? — Один из парней крутил в руках его Мору-две тысячи, самый популярный у выживальщиков шведский нож. — У моей бабки на кухне и то ножки круче!

Мародёры собирались уходить. На земле остались валяться последствия потрошения рюкзаков: обёртки от пайков, смятые бутылки, тряпки. Артёмов рюкзак, пыхтя, напялил на себя толстый парень, Светкин — Вован.

— Ладно, дядя, спасибо тебе за подарки, ты прям Дед Мороз какой-то. Но нам пора. Подругу твою мы с собой забираем...

— А вот это хрен тебе, Русик! — Крашенная девица в высоких, проклёпанных ботинках и косухе резво обернулась к говорившему.

— Диана, солнце моё, я ж не для себя стараюсь, — притворно расплылся Русик, — вон Длинный с Пухлым одиночеством страдают.

Артём, с трудом перевернувшись на живот, упёрся обеими руками в землю.

— Я сказала, она с нами не пойдёт! — В голосе прорезались истерические нотки

— Дианка, ты чего? Думаешь, я на неё запал? Вот ещё! Там же смотреть не на что!

— Я тебя знаю, кобелина, ты ни одной дырки не пропустишь, так что никто с нами не пойдёт! — сорвалась на крик крашенная.

Отжавшись, ему с трудом удалось оторвать тело от земли и подставить под себя согнутую ногу. Толчком привёл себя в вертикальное положение, разворот... Повело, пришлось схватиться за дерево.

— Пошли, красавица.

Высокий тощий парень схватил Свету за руку и рывком поставил на ноги. Та попыталась вырваться, Артём, сжимая кулаки и набычившись, сделал неуверенный шаг вперёд. Его еще мутило, но закипевшая в крови злость накачивала силой.

И в этот самый миг крашенная подлетела к Светке и резко наотмашь взмахнула рукой. Светка отшатнулась.

Со своего места Артёму показалось, что крашенная промахнулась, но та с вызовом повернулась к своим спутникам и подбоченилась.

— Я же сказала, никто с нами не пойдёт!

— Да ты просто сука бешеная, — с какой-то укоризной, смешанной с восторгом, сказал Русик. — Длинный, пошли.

И он пошагал, догоняя ушедших вперёд Вована, Майку и толстого парня. Длинный бросил взгляд на Диану, перевёл на Артёма, вымученно улыбнулся, как будто говоря: “Ну, извини, видишь — баба не в себе!” — и пошёл вслед Русику. За ним, не оборачиваясь, ушла крашенная.

Артём перевёл взгляд на жену. Та стояла, растерянно-виновато глядя на него, и зажимала себе шею. Из-под руки текла тёмная струйка.

Мир сузился до размеров этой маленькой, такой родной фигурки и пары метров поверхности вокруг. Пропал лес, вылетели из головы уходящие мародёры и глобальная ядерная катастрофа, всё стало неважным и таким далёким. Сознание разделилось.

Шансов никаких. Ты же знаешь, в данной ситуации... Заткнись! Другая часть Артема, эмоциональная, любящая, отказывалась принимать происходящее. И надеялась: это просто порез. Ничего страшного, капиллярное кровотечение, сейчас наложим давящую повязку, и всё будет хорошо... Ты посмотри, разве из капилляров столько натечёт?

— Убери руку, дай посмотреть!

Длинный порез с правой стороны от гортани, и небольшой, такой с виду не страшный фонтанчик, не то, что в фильмах.

— Вот видишь, разве это струя из перерезанной артерии? — с вызовом бросил Артем своему второму я. — Где фонтан на пару метров?

Руки действовали сами по себе — одна легла на шею сзади, вторая, сжатая в кулак, уперлась рану, зажимая. Пальцы тут же стали мыльными от крови.

— Ложись, ложись, ложись, — шептали губы заученную мантру. Жена послушно сползла по подставленной ноге.

А помнил тот ролик? Ледяная волна пробежала по спине, сжала сердце. Он помнил, им показывали реальную запись с камер наблюдения в баре: парню так же резанули шею. Он какое-то время ходил, прижимал салфетку, протянутую “сердобольным” барменом, вокруг озирались зеваки, всё буднично и просто... Только тот парень не выжил.

Нет, со мной такого не будет, только не со мной! Там, в баре, была толпа баранов. Никто даже “скорую” вызвать не удосужился... А ты, конечно, вызовешь? Или сам справишься? Ты сосудистый хирург, и у тебя под боком операционная?

— Лежи, маленькая, видишь, всё под контролем, кровь уже не течёт.

Света несмело улыбнулась, доверчиво глядя в глаза, а он нависал над ней, навалившись всем весом на выпрямленную руку, упиравшуюся кулаком в шею.

“Выпрямляй руку, и всем весом дави, иначе не пережать!” — Голос Герасимова звучал как наяву: “Не сгибай в локте, иначе нажим постепенно ослабнет, сам не заметишь”.

Давай, вспоминай. Забыл? Дальше инструктор говорил про то, что вторая рука теперь свободна, самое время достать телефон и вызывать помощь. Конечно, помощь! Мобила сейчас бесполезный кусок пластика и проводков, сотовые вышки не работают, но у него же есть рация! Если вызывать на всех частотах, может, кто-то и ответит. Нет, не так — обязательно кто-то ответит. Надо только дотянуться до рюкзака...

Осознание прошло по телу, как удар электрического тока; зародившаяся надежда рухнула куда-то вниз, в бездну, увлекая за собой сердце: их рюкзаки сейчас удалялись на спинах шестёрки молодых мерзавцев. Нет. Нет! Нет!!! Такого просто не может быть!

— Сейчас, родная, сейчас. Кто-нибудь пройдёт мимо, это же не лес, а какой-то проходной двор...

Зачем-то в памяти всплыл эпизод расставания со Сталкером у окраины городка. “Почему ты сказал: жаль, что я не из поисковиков?” — спросил тогда Артём, когда уже пожимали друг другу руки. “Волонтёры сейчас по бункерам не тихарятся”, — ответил Сталкер.

Эврика! Я знаю, что делать! Я не могу вызвать помощь. Ну и что?! Да я сам доставлю её в больничку! Я буду держать рану, и мы потихоньку, потихоньку пойдём в направлении городка...

— Слушай, малышка, я сейчас зажму рану, потом ты поднимешься, и так бочком-бочком пойдём к городку. Это будет долго, но мы дойдём!

Света попыталась кивнуть, в глазах не гасла надежда. Но стоило ей пошевелиться, кровь начала лить снова. Артём сдался:

— Ладно, родная, придумаем что-нибудь ещё.

В ответ — ободряющая улыбка. Жена как будто говорила: “Конечно, милый, ты обязательно придумаешь!”

Перед мысленным взором всплыл учебный класс курсов первой помощи, занятия по сердечно-легочной реанимации. Они только что закончили упражнение, когда, меняясь по очереди, держали на СЛР манекены в течение сорока минут. “А как долго можно “качать” пострадавшего? — Пока “скорая” не придет”, — Герасимов отключал манекены. “А если она долго не едет? — Тогда до тех пор, пока не решите, что сделали всё возможное. Вы же не сможете поддерживать жизнь в человеке вечно. Поймите, вас никто за это не осудит — вы не врачи и не спасатели, обычные гражданские люди. Вы сделали всё от вас зависящее, и даже больше. Любой суд будет на вашей стороне...”

Получается, не любой. Свой, внутренний суд неумолим.

Артём представлял тогда, что когда-нибудь может оказаться в ситуации: вот пострадавший, он ещё жив, но возможности ему помочь нет, надо принимать решение... Но только не так! Пусть это был бы незнакомый человек, пусть даже знакомый, пусть даже Влад! Но не Света, только не она!

Она не умрёт. Я буду держать столько, сколько надо, я не сдамся...

Он продолжал нависать над расprostёртой супругой в неудобной позе, согнувшись, опираясь выпрямленной рукой в шею, фактически — глаза в глаза.

Постепенно эффект от выброшенного в кровь адреналина стал подходить к концу, сказывалась усталость от переживаний, давала себя знать травма головы. Сознание путалось, в глазах начало смеркаться. Артём, замерев в неудобной позе, как стойкий оловянный солдатик, отключился.

Пришёл в себя рывком, как будто тумблером щёлкнули. Кольнул страх: Света! Неужели он в отключке ослабил нажим, и кровотечение возобновилось? Нет! Слава Богу! Его глаза нашли глаза жены. Света была в сознании и ответила ему спокойным взглядом.

— Извини, малыш, я немного отрубился...

“Всё хорошо, — отвечали её глаза, — я еще здесь”.

Вечерело. Потускневшее солнце клонилось к горизонту, заливая полнеба багровым закатом. Длинные тени протянули вокруг них свои щупальца. Артём поёжился, холодало.

Точно! Запоздалая мысль кольнула в сознание. Лето катилось к закату, и ночи становились холоднее. Света лежала в одном тоненьком термобелье, вся задача которого — отводить пот от тела. И холодная земля вытягивала из её тоненького тела остатки тепла. А под утро выпадет роса...

Внезапно до него дошло, что уже некоторое время Света смотрит на него как-то по-особенному, как будто...

Как будто пытается запомнить!

— Милая, всё будет хорошо!

— Пообещай мне, — Артём даже не сразу понял, кто говорит. Голос жены был еле слышен, — пообещай, что вернёшься к людям и будешь помогать им.

— Ну, что ты, родная, мы вместе вернёмся. Вместе. Ты ещё помогать мне будешь...

Тонкие пальцы легли ему на губы, останавливая слова. Какие же они холодные! Света замерзала.

— Пообещай...

И неотрывно глядя в её глаза, так, что мир сузился до размера этих карих, таких любимых глаз, он отчётливо кивнул:

— Да, любимая. Я вернусь и буду помогать

Обе её руки легли ему на запястье. Света вздохнула, решаясь, и с неожиданной силой оторвала руку, зажимающую рану.

Он отстранённо, как будто всё это происходило не с ним, смотрел на вновь поливающую кровь. Потом взглядом снова нашёл глаза жены и неотрывно смотрел, как гаснет в них жизнь.

— Ты пообещал... — коснулось его слуха. И глаза Светы погасли навсегда.

Эпилог

Совсем недалеко от крайних домой городка на старой сосне сидел дятел, старательно простукивая кору дерева в поисках вкусных личинок. Он так увлёкся, что не сразу заметил бредущего внизу человека. Он шёл, пошатываясь из стороны в сторону, неуверенной, заплетающейся походкой. Он был грязен и неопрятен. Лицо и верх тонкой водолазки в каких-то бурых пятнах. На руках он нёс другого, поменьше. Это была девушка, одетая в легкое летнее платье. На руках у большого ей было так удобно, что она задремала, склонив голову на грудь своему спутнику, только длинные светлые волосы сбегали ручьём по руке мужчины и свисали вниз, слегка развеваясь на ходу.

Дятел прервался, настороженно приглядываясь, а потом и вовсе решил отлететь подальше. Он легко снялся с дерева и полетел в поисках другого старого дерева, оставляя за спиной странного незнакомца, и через минуту тот стёрся из птичьей памяти, как будто его и не было.